

18+

ЗЛАТОКОЖАЯ ДЕВУШКА

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

**Златокожая девушка
и другие рассказы**

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Златокожая девушка и другие рассказы / Д. Вэнс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935991-9

Восемь из этих девяти рассказов были опубликованы с 1951 по 1955 годы, когда Джек Вэнс писал для дешевых журналов. Даже в этих ранних произведениях, однако, слышится голос будущего гроссмейстера.

ISBN 978-5-44-935991-9

© Вэнс Д.
© Издательские решения

Содержание

ЗЛАТОКОЖАЯ ДЕВУШКА	6
МАСКАРАД НА ДИКАНТРОПУСЕ	16
СТАНЦИЯ ЭЙБЕРКРОМБИ	27
I	27
II	32
III	37
IV	42
V	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Златокожая девушка и другие рассказы

Джек Вэнс

Александр Фет *Переводчик*

Yvonne Less *Дизайнер обложки*

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-5991-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗЛАТОКОЖАЯ ДЕВУШКА

Газета «Де-Мойн пост» потрясла мир величайшей сенсацией в истории человечества, и Билл Бакстер стал героем.

Через час после того, как новый выпуск газеты стали продавать на улицах, все дороги, ведущие к холму Келли, были забиты толпами любопытных, как обычными зеваками, так и профессионалами – репортерами, фотографами и корреспондентами агентств новостей, национальных и иностранных. Первыми прибыли агенты ФБР и военной разведки. Загромождения заставляли поворачивать назад тысячи автомобилей, кордоны и патрули задерживали пешеходов, истребители носились в небе и отгоняли частные самолеты, устремившиеся к холму Келли, как мотыльки к ночному фонарю.

Выжившая жертва аварии провела ночь в небольшой больнице доктора Блэки, куда ее отвез Билл Бакстер. Она проснулась рано утром и лежала, неподвижно глядя на доктора Блэки и сжимая простыни золотистыми пальцами. У входа в ее палату дежурили два федеральных агента; еще двести агентов охраняли больницу и оттесняли сплетничающие толпы желающих подивиться на чудо. Военный врач и тощий неприметный субъект – по слухам, представитель секретной службы – проверили диагноз доктора Блэки, обнаружившего у пострадавшей закрытый перелом ключицы и сопровождавший его нервный шок; они одобрили выбранный врачом курс лечения. Женщина подчинялась указаниям больничного персонала с выражением беспомощного отвращения.

Секретность происходящего только разжигала любопытство прессы. Воображение разыгралось, предлагались самые нелепые гипотезы. Авария опьяняла, как ветер тропических островов, как намек на раскрытие невероятных тайн. Весь остальной мир выглядел теперь как набившая оскомину провинциальная окраина, самые неожиданные новости казались обыденными и тривиальными. Тысячи газетных и журнальных страниц были заполнены высосанными из пальца предположениями, по радио и по телевидению распространяли жадно поглощаемые слухи, публиковались бесчисленные фотографии, схемы, звездные карты и зарисовки воображаемых персонажей. Кому-то удалось даже раскопать фотографию Билла Бакстера – репортера, который, намереваясь взглянуть на впечатляющий метеорит, вместо него обнаружил потерпевший крушение звездолет и вытащил из него молодую женщину с золотистой кожей. Особый радужный глянец великолепному мыльному пузырю сенсации придавало то обстоятельство, производившее на всех и вся гипнотическое действие, что, по имеющимся сведениям, златокожая девушка была очень красива. Молода и фантастически прекрасна.

Билл Бакстер с самого начала отказывался расстаться со спасенной им женщиной. Каждую минуту, когда пациенткой не занимались врачи, он проводил в ее палате, сидя в кресле и тайком изучая ее лицо. Златокожая женщина стала для него чем-то близким, деликатным и драгоценным, как чудесный мерцающий самоцвет, найденный в ночи. Она завораживала его, она вызывала в нем самые яростные инстинкты бесстрашного защитника – как если бы она стала его собственностью, когда он извлек ее из пылающего корабля.

Уверенность Бакстера в своем праве быть ее ангелом-хранителем неохотно признавалась правительством – даже чиновники и солдафоны инстинктивно понимали, что нельзя было отказать тому, кто нашел сокровище, по меньшей мере в возможности любоваться на него, если не владеть им. Так или иначе, они признавали, что Бакстер мог выполнять функции представителя инопланетной гостии не хуже любого другого. Доктор Блэки рассматривал присутствие Билла как нечто само собой разумеющееся и желательное; федеральные агенты поглядывали на него, потихоньку обмениваясь саркастическими замечаниями, но не пытались ограничить возможности его общения с златокожей женщиной.

Она мало ела – главным образом пила бульон и фруктовые соки, иногда позволяя себе кусочек жареного хлеба, но с молчаливым отвращением отвергая яйца, молоко и мясо. Первые два дня она безвольно, почти неподвижно провела в постели, как если бы потрясенная постигшей ее катастрофой.

На третий день она приподнялась на локте, огляделась и пару минут смотрела в окно, после чего опять осторожно улеглась. Она не обратила внимания на Бакстера и доктора Блэки, сидевших напротив и наблюдавших за ней.

Блэки, седой сельский врач, не претендовавший на всеведение, задумчиво прищелкнул языком: «Нехорошо, что она такая вялая... Ведь она, в сущности, совершенно здорова, у нее все на месте. Температура тела у нее на градус выше нормальной, но это может быть нормально для представителей ее расы. В конце концов, мы о них ничего не знаем».

«Нормально? – Бакстер ухватился за это слово, как за соломинку. – Вы считаете, что она – женщина, доктор?» *нормальная*

Блэки слегка улыбнулся: «Рентгеноскопия выявляет скелет, сходный с человеческим – и, судя по всему, вполне человеческие внутренние органы. Черты ее лица, фигура – о них вы можете судить сами. Ее отличает от нас только металлический блеск кожи».

«Но она, по всей видимости, в полубессознательном состоянии, – пробормотал Бакстер. – Она ничем не интересуется».

«Шок, – кивнул Блэки. – Ее мозг только постепенно приспосабливается к новой реальности. Именно поэтому ее еще не переместили».

«Не переместили? – переспросил Бакстер. – Почему ее хотят переместить? Куда? Кто об этом распорядился?»

«Приказ из Вашингтона, – ответил Блэки. – Но спешить некуда. Она ослабела, она в замешательстве. Ей нужно дать время, чтобы она собралась с мыслями. Здесь ей будет не хуже, чем в любом другом месте».

Бакстер всецело согласился с таким заключением. В Вашингтоне она была бы окружена должностными лицами, и его могли оттеснить или даже изолировать от нее. Потирая подбородок, он поджал губы: «Доктор, как по-вашему, сколько ей лет?»

«О... если они растут так же, как люди, ей лет девятнадцать или двадцать».

«В таком случае, в глазах закона она еще несовершеннолетняя... Как вы думаете, не могут ли меня назначить ее опекуном?»

Блэки покачал головой: «Ни в коем случае, Билл. Не забывайте, что эта девушка – не какая-нибудь сирота, нуждающаяся в семейной опеке».

«Но кто-то должен за ней присматривать!» – настаивал Бакстер.

Блэки снова усмехнулся: «Насколько я понимаю, ее возьмет под опеку правительство».

Бакстер нахмурился, засунул руки в карманы и сжал кулаки: «Ничего, мы еще посмотрим!»

На четвертый день, после полудня, Бакстера ожидал сюрприз: девушка сбросила покрывало и встала с постели, не проявляя ни малейших признаков слабости. Она подошла к окну и несколько минут разглядывала сад перед больницей доктора Блэки. Бакстер суетился за ее спиной, как суматошная курица – он не хотел, чтобы она перенапрягалась, но в то же время не смел в чем-либо ей помешать. Наконец она повернулась к нему: в длинной белой ночной рубашке она выглядела абсурдно юной и безобидной. Теперь, казалось, она впервые заметила Бакстера и разглядела его с головы до ног – внимательно, но с небрежной прохладцей.

Бакстер применил метод, основанный на тысяче прецедентов. Он сделал шаг вперед, прикоснулся к своей груди и сказал: «Билл».

Она подняла брови, словно удивленная тем, что он был способен к какой-то мыслительной деятельности, и тихо повторила: «Билл».

Бакстер одобрительно кивнул и указал на нее: «Ты?»

Она прикоснулась к себе и произнесла слово, полное неразборчивых согласных и гортанных гласных – нечто вроде «Лурр-лу» или «Лурулу». Бакстер смог лишь приблизительно воспроизвести эти звуки.

Он принялся прилежно обучать ее языку – и, не проявляя особого энтузиазма, она мгновенно схватывала идеи и никогда не забывала однажды произнесенное слово.

Мало-помалу Бакстер начинал понимать, что с ней произошло – все было достаточно просто. Ее родной мир был, по ее выражению, «очень далеко, за потоком голубых звезд»; она называла свою планету «Гхх-Лектва». Не будучи способен воспроизвести начальный гортанный звук, Бакстер произносил это наименование «Лектва», что, судя по всему, забавляло девушку.

Она объяснила ему, что ее звездолет был чем-то вроде того, что на Земле называется «прогулочной яхтой». Земля ей попала случайно, у нее не было никаких определенных причин для посещения Земли. Небрежный ремонт привел к неисправности одного из маневровых двигателей, отказавшего в критический момент, что привело к разрушительному крушению звездолета на холме Келли.

На седьмой день Блэгни объявил, что девушка была совершенно здорова, и Бакстер попросил медсестру купить и принести какую-нибудь одежду. Когда, через некоторое время, он зашел в палату, златокожая девушка с удовлетворением разглядывала себя в зеркале – ей и в голову не приходило, что среди туземцев могли существовать какие-нибудь правила приличия.

«Среди обломков корабля не нашлось ничего из моей одежды? – спросила она. – Это... – она указала на кашемировую юбку, – это очень колоритно, но натирает кожу и вызывает странное ощущение».

«Все сгорело, – запинаясь, ответил Бакстер, в глазах которого девушка выглядела просто великолепно. – Но если ты мне объяснишь, какая одежда тебе нужна, я мог бы ее заказать. В привычной одежде, конечно, ты будешь выделяться».

Она пожала плечами: «Я могу носить и это».

Бакстер задал наконец вопросы, давно уже не дававшие ему покоя: «Ты хочешь... ты надеешься вернуться домой? Можешь связаться с соплеменниками? Или знаешь, как построить космический корабль?»

Она смотрела в сад из окна: «Нет, мне известны только основные принципы... Лектва страшно далеко. Вряд ли я смогу туда вернуться».

Бакстер бросил на нее проницательный взгляд. Девушка говорила спокойно, отстраненно и очень тихо – тембр ее голоса напоминал о темном омуте в лесу. У Бакстера перехватило дыхание от жалости; наблюдая за инопланетянкой краем глаза, он взял одну из принесенных с собой книг, встал рядом с ней у окна и раскрыл карту.

«Мы здесь», – сказал он, указывая пальцем. Она наклонила голову; Бакстер изучал ее профиль. С тех пор, как он вытащил ее из горящего корабля, он еще ни разу не находился так близко к ней – и почувствовал странное трепещущее биение крови в шее.

Она взглянула на него, встретившись с Бакстером глубокими янтарно-золотистыми глазами. Она заметил, как изменились ее зрачки, и девушка слегка отстранилась от него, опустив глаза обратно к карте: «Скажи мне больше о твоём мире».

Бакстер вкратце изложил историю цивилизации, показывая на карте Нил, Месопотамию и долину Инда. Он показал ей Грецию, дал общее описание эллинистической философии и ее влияния на европейскую культуру, упомянул в общих чертах о промышленной революции и о том, как она привела к нынешнему состоянию технологии.

«Так что теперь на Земле все еще существуют независимые территории, враждебные одна другой?»

«К сожалению, это так», – признал Бакстер.

«Сотни тысяч лет тому назад, – задумчиво произнесла Лурулу, – в нашей истории настал период, называемой „Эпохой безумия“. В те времена беловолосые южане и золотоволосые северяне намеренно убивали друг друга». Она помолчала, после чего рассеянно прибавила: «Их культурный уровень был примерно эквивалентен вашему».

Бакстер продолжал изучать ее внешность: «У тебя слегка золотистые волосы».

«Беловолосая и золотоволосая расы давно смешались. В эпоху варварства золотоволосые люди подвергались суровым преследованиям – они считались не столь достойными восхищения. Теперь все это кажется таким странным и жестоким!»

Она опустила книгу и снова повернулась к окну: «Я хотел бы прогуляться под солнечным светом. Ваше солнце похоже на наше». По небу пролетел самолет. «У вас на Земле уже научились летать по воздуху?» – с некоторым удивлением спросила она.

Бакстер заверил ее в том, что авиация была повсеместно распространена уже как минимум в течение двух десятилетий.

Она безразлично кивнула: «Понятно. Что ж – давай прогуляемся?»

«Как тебе угодно», – отозвался Бакстер.

Федеральные агенты, дежурившие в коридоре, последовали за ними на некотором расстоянии.

Лурулу указала на охранников малозаметным взмахом руки: «В чем заключается их функция? И в чем заключается твоя функция? Меня содержат в заключении?»

Бакстер поспешно заявил, что она была свободна и могла делать все, что хотела: «Они здесь просто для того, чтобы охранять тебя от назойливых чудаков. А я... я – твой друг». И он чопорно прибавил: «Если это не нравится, я не стану тебе навязываться».

Лурулу ничего не ответила – она прошла по тротуару вдоль улицы, глядя направо и налево. Полиция установила заграждения с обеих сторон квартала – за ними собрались небольшие толпы любопытствующих, все еще надеявшихся взглянуть на инопланетянку. Охранники побежали вперед, чтобы оттеснить ближайшую группу репортеров и зевак.

Лурулу игнорировала окружающих – ее совершенно не беспокоили напряженные взгляды и возбужденные разговоры. Бакстер чувствовал себя неудобно и почему-то негодовал; девушка повернула на боковую улицу – он не отставал от нее ни на шаг. Судя по всему, Лурулу наслаждалась солнечным светом; она вытянула руки вверх, повернув ладони к небу, и словно ощупывала теплые лучи. Ее кожа блестела, как роскошный атлас. Она несколько раз глубоко вздохнула, глядя на дома, выстроившиеся вдоль улицы. Скромная больница доктора Блэки находилась в приятном пригороде, где росли тенистые старые вязы, а дома, окруженные садами, не слишком приближались к проезжей части.

Внезапно девушка повернулась к Бакстеру: «Значит, все ваши люди живут на поверхности?»

«Как тебе сказать... В других местах есть многоквартирные дома, – ответил Бакстер. – Некоторые поднимаются к небу на десятки метров. А как люди живут на Лектве?»

«У нас удобные жилища, плавающие в небе – иногда в ясном, солнечном небе, а иногда среди облаков. Там нет никакого шума, кроме вздохов ветра. Нам нравятся одиночество и великолепные виды».

Бакстеру было трудно в это поверить: «И никто не живет на земле? Домов у вас тоже нет?»

«О... – она неопределенно махнула рукой. – Иногда рядом с красивым озером или в лесу кто-нибудь устраивает избушку или ставит палатку. Поверхность Лектвы – по большей части дикая местность, за исключением индустриального района и фотосинтетических бассейнов».

«А кто работает на промышленных предприятиях?»

«Главным образом молодые люди – дети. Работа – часть их образования. Иногда они совершенствуют оборудование или разрабатывают новые биотипы... у вас есть такое слово?

Нет? Неважно. Молодежь обслуживает машины. Через некоторое время те, кому это нравится, становятся дизайнерами, инженерами или техническими специалистами».

«А те, кому это не нравится?»

«О... – некоторые ничего не делают, другие становятся исследователями, изучают другие миры. Из других получаются художники и музыканты. Кое-кто занимается всем понемногу».

Несколько секунд Бакстер шагал в угрюмом молчании: «Мне такое общество представляется застойным... Похоже на то, что вы на Лектве соскучились».

Лурулу звонко рассмеялась, но никак не возразила и вообще никак не ответила, что вызвало у Бакстера еще большее раздражение.

«А преступники среди вас есть?» – спросил он наконец.

Она взглянула на него, все еще слегка улыбаясь: «На Лектве всем нравится жить, каждому нравится его собственная личность. Насильственное принуждение встречается очень редко, и в таких случаях применяется своего рода коррекция мозга».

Бакстер хмыкнул.

«Преступность свидетельствует о непопулярности общественного устройства, – как бы между прочим заметила инопланетянка, – о том, что культура не дает выхода человеческим стремлениям».

Бакстер спросил, не сдерживая некоторую примесь сарказма: «Как вы можете настолько уверенно судить об общественных проблемах, если на Лектве нет никаких проблем?»

Она пожала плечами: «Нам известны несколько миров, где социальные проблемы существуют. Мы организовали миссии на этих планетах, и туземцы постепенно реформируют свои общества».

Бакстер недоумевал: «То есть люди – такие люди, как мы – живут и на других планетах? Мне казалось очень странным даже то, что в двух мирах развились идентичные виды...»

Она лукаво улыбнулась, услышав последний термин: «Надо полагать, наше физиологическое устройство более или менее одинаково. Но я не стала бы говорить об „идентичности“».

Девушка задержалась, разглядывая клумбу огненно-красной герани. Бакстер подумал: «Как она отреагирует, если я обниму ее за талию?» Он уже приподнял было руку, но вслед за ними, поглядывая по сторонам, шагали охранники – они были слишком близко.

Лурулу и Бакстер дошли до угла и остановились. Здесь находился продуктовый магазин, и девушка не сводила глаз с мясного отдела. Широко раскрыв глаза, она повернулась к Бакстеру: «Это трупы животных?»

«Можно сказать и так», – неохотно признал Бакстер.

«Вы едите мертвых животных?»

Необходимость постоянно оправдываться начинала раздражать Бакстера. «Они не ядовиты, – проворчал он, – и являются ценным источником белков».

«Вы не скармливали мне никакой плоти мертвых животных?»

«Пока что почти ничего такого ты не ела. Мы заметили, что ты предпочитаешь фрукты и зелень».

Лурулу отвернулась и поспешно прошла мимо магазина.

«В конце концов, – продолжал Бакстер, – что такое мясо? Всего лишь углерод, кислород и водород... Ты демонстрируешь странную одержимость – ее можно было бы назвать даже предрассудком».

Голос девушки снова стал одновременно безразличным, даже отчужденным: «Есть психологические причины, по которым мы не можем поедать умерших...»

На следующее утро перед входом в больницу остановился черный автомобиль безошибочно государственного вида; из него вышли человек в военной униформе и двое в гражданских костюмах. Охранники из ФБР слегка напряглись. Вполголоса обменявшись несколь-

кими словами, трое новоприбывших поднялись по ступеням. В вестибюле их встретил доктор Блэрни.

«Я – генерал-майор Деверинг, прибыл по поручению ЦРУ. Это доктор Рейм из Института передовых исследований, а это – профессор Андерсон из Ледъярдского университета».

Доктор Блэрни поочередно пожал руку каждому из них – генерал-майору Деверингу, коренастому человеку с розовым бугристым носом и блестящими, слегка выпученными глазами, доктору Рейму – долговязому, тощему, торжественно выпрямившемуся, и профессору Андерсону – низенькому, толстенькому, но не менее торжественному.

«Надо полагать, вы прибыли в связи с моей пациенткой?» – спросил доктор Блэрни.

«Разумеется, – кивнул Деверинг. – Надеюсь, она достаточно хорошо себя чувствует для того, чтобы ответить на несколько вопросов? Мои агенты сообщили, что вчера она совершила прогулку и, насколько мне известно, беседовала с господином Бакстером».

Блэрни задумчиво прищурился и поджал губы: «Да, она достаточно здорова – физиологически. Идеально здорова, насколько я понимаю».

«В таком случае мы могли бы переместить ее в более доступное для нас место?» – предположил доктор Рейм, вопросительно подняв брови.

Блэрни с сомнением потирал подбородок: «Доступное? С какой целью?»

«Что за вопрос! Для того, чтобы мы могли изучать ее, провести различные обследования...»

«Опять же, в физиологическом отношении никаких проблем с ее переездом не предвидится, – повторил Блэрни. – Но ее юридический статус до сих пор не определен. На самом деле я не вижу никаких причин, по которым ее следовало бы „перемещать“ – если она сама не захочет переехать».

Генерал-майор Деверинг прищурился: «Невзирая на упомянутые вами обстоятельства, доктор, эта молодая женщина может предоставить информацию, имеющую огромное значение для всей страны. Неужели вы считаете, что нам не следует этим заняться? Так или иначе, вы не уполномочены нам препятствовать».

Блэрни слегка откинул голову назад, дважды открыл рот, чтобы ответить – и дважды закрыл его. Наконец он сказал: «Я уполномочен допускать или не допускать любых посетителей в мою больницу. Тем не менее, вы можете поговорить с пациенткой».

Деверинг сделал шаг вперед: «Будьте добры, проведите нас в ее палату».

«Пройдите за мной – сюда, по коридору».

Билл Бакстер сидел рядом с Лурулу у журнального столика и учил ее читать. Услышав шаги, он удивленно и раздраженно поднял голову.

Блэрни представил посетителей. Обратившись к Лурулу, врач сказал: «Эти люди хотели бы расспросить тебя о жизни на Лектве. Ты не возражаешь?»

Девушка взглянула на трех незнакомцев: «Нет».

Генерал-майор Деверинг слегка выступил вперед: «Мы подготовили довольно-таки широкомасштабную программу интервью и хотели бы, чтобы вы переехали вместе с нами в новое место жительства – что было бы удобнее для всех заинтересованных сторон».

Бакстер вскочил и закричал: «Ни в коем случае! Невероятная наглость! Прежде всего, не будет никакой „широкомасштабной программы интервью“, никаких допросов – как бы вы это ни называли!»

Деверинг смерил его каменным взглядом: «Хотел бы вам напомнить, господин Бакстер, что у вас нет никаких официальных полномочий по отношению к этой молодой особе – а также о том, что она находится под опекой и на иждивении правительства, в связи с чем вступили в действие законы об охране государственных тайн».

«У вас есть с собой ордер на ее арест? – поинтересовался Бакстер. – Если нет, вы находитесь в гораздо худшем положении, чем я – в той мере, в какой это касается официальных

полномочий. Я хорошо понимаю, почему вы желаете провести интервью. Вы хотите получить полезные сведения – и в этом я могу вам помочь – но вам придется задавать свои вопросы здесь, и не дольше одного часа в день. Причем расписание ваших интервью должно соответствовать пожеланиям девушки, а она не обязана учитывать ваши пожелания».

Доктор Блэрни вмешался: «Господа! Предлагаю предоставить самой девушке принимать относящиеся к ней решения. В конце концов, только от нее зависит, пожелает ли она отвечать на ваши вопросы».

Лурулу наблюдала за происходящим, слегка нахмурившись: «Я не хочу никуда уходить с этими людьми. Но я отвечу на их вопросы».

В палату зашла медсестра – она что-то прошептала на ухо доктору Блэрни. Блэрни, сидевший в кресле, поднял брови и быстро поднялся на ноги: «Прошу меня извинить, мне позвонил президент».

«Позвольте мне поговорить с ним! – возбужденно выпалил Бакстер. – Его заинтересует то, что я могу ему сообщить».

Блэрни проигнорировал его и вышел из палаты. Наступила напряженная тишина. Деверинг и Бакстер злобно поглядывали друг на друга, а ученые рассматривали лектванскую женщину. Она же, не замечая присутствующих, наблюдала за колибри, порхающей за окном.

Блэрни вернулся, тяжело дыша. Снова обращаясь исключительно к Лурулу, он сказал: «Президент пригласил тебя провести неделю в Белом Доме».

Лурулу невольно взглянула на Бакстера. Тот проворчал: «В сложившихся обстоятельствах для нее это был бы, наверное, лучший вариант. Когда начнется ее визит?»

Блэрни задумался: «Надо полагать, сегодня же. Я не позаботился спросить».

Бакстер отвернулся от врача: «Тогда мы могли бы отправиться туда сию минуту».

Деверинг раздраженно вышел из палаты, не говоря из слова. Двое ученых, слегка поклонившись лектванской женщине, тоже удалились.

В Вашингтоне прибытие лектванской гостьи вызвало беспрецедентную суматоху. Прежде всего, она не была обычной знаменитостью. Она не сколотила и не разрушила какую-нибудь империю, ее не занимала какую-либо выборную должность, она не кривлялась на сцене или на экране и не символизировала какие-либо пороки или извращения. Она была посетительницей из другого, надзвездного мира. Кроме того, о ней говорили, как о девушке чудесной красоты. Все это производило драматический эффект.

Лурулу, судя по всему, оставалась безразличной к тому впечатлению, которое она производила. Она приняла участие в нескольких приемах и вечеринках, сходила в оперный театр и получила множество подарков от жаждущих рекламы изготовителей всякой продукции – четыре новых автомобиля, всевозможные предметы одежды, духи и корзины с фруктами. Один строительный подрядчик предложил предоставить ей дом, соответствующий любым ее пожеланиям. Для нее устроили роскошную экскурсию по Нью-Йорку. Госпожа Блисс, проводившая экскурсию, спросила лектванку: существуют ли подобные монументальные сооружения на ее планете? «Нет», – ответила Лурулу. Насколько ей было известно, на Лектве не было ни одного здания выше трех этажей и ни одного моста длиннее, чем бревно, перекинутое через ручей.

«Нам не нужны такие огромные массы, – объяснила она госпоже Блисс. – У нас люди никогда не собираются многочисленными группами, которым потребовались бы большие помещения, а реки и моря – всего лишь поверхность планеты, высоко над которой мы проводим большую часть жизни».

Бакстер постоянно сопровождал инопланетянку, и теперь она одобряла его привязанность. Бакстер понимал, что ей нравилось и не нравилось, а также защищал ее от большинства желавших пригласить ее великосветских дам и торговых агентов. По мере того, как лектванка находила его полезным, Бакстер чувствовал, что его присутствие ей необходимо, и теперь его не интересовало ничто на свете, кроме Лурулу.

До его ушей дошли похабные слухи, о чем он вынужден был с беспокойством сообщить лектванке. Она удивилась: «Неужели?» – и полностью потеряла интерес к этому вопросу. Бакстер разозлился и ушел.

Он организовал ежедневные двухчасовые интервью девушки с учеными – биологами, физиками, лингвистами, историками, антропологами, астрономами, инженерами, военными технологами, химиками, бактериологами, психологами и прочими. В целом они находили ее сведения обширными и возбуждающими большой интерес, но расплывчатыми в деталях – они оказались полезными главным образом лишь в том, что она сумела обозначить границы еще не изученных областей знания.

После одного из таких «заседаний» Бакстер нашел ее в квартире, которую он для нее арендовал – девушка сидела на диване в полном одиночестве. Уже сгущались сумерки – она смотрела куда-то вдаль, за вершины деревьев в парке, в бледно сияющее серовато-голубое небо.

Он присел рядом с ней: «Ты устала?»

«Да – очень устала. Устала от любопытных людей... от многословных вопросов... от разговоров... от всей этой чепухи».

Бакстер ничего не сказал и тоже сидел, глядя на сумеречное небо. Она почувствовала характер его молчания: «Прошу прощения, Билл. Говорить с тобой я никогда не устану».

Его настроение мгновенно изменилось; он почувствовал близость к ней – более интимную, чем когда-либо за все время их знакомства.

«Ты никогда не рассказывала о своей личной жизни, – смущенно начал он. – Ты была... замужем?»

«Нет», – тихо ответила она.

Бакстер ждал.

«Я была художницей – если это можно так назвать, на Земле такое искусство неизвестно, – лектванка говорила тихо, не отрывая глаз от темнеющего неба. – Мы представляем себе в уме цвета, перемещения, звуки, пространства, ощущения, настроения – все это движется, изменяется, развивается. Подготовив созданную последовательность, автор воображает ее настолько ярко и живо, насколько это возможно – и регистрирует ее с помощью психозаписывающего устройства. Для того, чтобы воспроизвести эту последовательность, достаточно вставить запись в предназначенный для этого аппарат, и в уме наблюдателя возникают те же сцены и ощущения. Наблюдатель воспринимает движения, сочетания цветов, изменения потоков и объемов пространства, фантазии художника, а также виды, звуки и, что важнее всего, различные настроения... Научиться управлять психической средой очень трудно, для этого требуется невероятное сосредоточение воображения. Я была всего лишь новичком в этом жанре, но некоторые мои „представления“ заслужили похвалу».

«Это очень интересно», – тяжело вздохнув, сказал Бакстер. Помолчав, он прибавил: «Лурулу!»

«Да?»

«У тебя есть какие-нибудь планы на будущее?»

Она тоже вздохнула: «Нет. Ничего нет. Моя жизнь опустела». Она смотрела на небо – там стали появляться первые звезды: «Где-то там остался мой родной мир – осталось все, что я люблю».

Бакстер наклонился к ней: «Лурулу! Ты выйдешь за меня замуж?»

Она повернулась к нему: «Замуж? Нет, Билл, я не выйду за тебя замуж».

«Я тебя очень люблю, – говорил он, глядя в небо. – Важнее тебя для меня нет никого и ничего в этом мире. Я тебе поклоняюсь – всему, что ты делаешь – всему, что ты говоришь – всему, к чему ты прикасаешься... Может быть, ты меня ни в грош не ставишь – хотя надеюсь, что это не так – но я тебе нужен, и я сделаю все что угодно, лишь бы ты была счастлива».

Лектванка бледно, отстраненно улыбнулась: «На Лектве мы совокупаемся, когда находим кого-нибудь, кто вступает с нами в психический резонанс. Тебе мы можем казаться холоднокровными».

«Может быть, между нами установится психическое соответствие?» – предположил Бакстер.

Она почти незаметно содрогнулась: «Нет, Билл. Это... немыслимо».

Бакстер встал: «Спокойной ночи». У двери он задержался и оглянулся: она продолжала сидеть в темноте, глядя на ночное небо, на далекие белые звезды.

Вернувшись к себе, Бакстер нашел ожидавшего его доктора Блэки, удобно устроившегося на диване с газетой в руках. Билл приветствовал врача – тепло, но сдержанно. Блэки внимательно следил за Бакстером, пока тот смешивал пару крепких коктейлей.

«Я хотел узнать, как поживает моя бывшая пациентка, как она приспособилась к жизни на Земле».

Билл ничего не ответил.

«Не желаете поделиться своим мнением?» – спросил Блэки.

Билл пожал плечами: «Она в порядке, более или менее. Очень устала от бесконечного общения с людьми... Я только что попросил ее выйти за меня замуж».

Сжимая в руке бокал, Блэки откинулся на спинку кресла: «И она отказала вам...»

«Примерно так оно и есть».

Блэки опустил бокал на столик и приподнял лежавшую рядом с ним книгу: «Мне это случайно попало на глаза, когда я разбирал всякое старье... Меня заинтересовала одна глава – она довольно длинная, и я не буду читать ее вслух. Но суть вот в чем...» Врач открыл книгу на странице, заполненной мелким текстом, и бросил быстрый взгляд на Бакстера: «Кстати, книга эта называется «Странные предания семи морей». Ее опубликовали в 1839 году, а упомянутая глава называется «Кораблекрушение у берегов Гвинеи: дневник очевидца».

Она посвящена описанию кораблекрушения, случившегося в 1835 году – британский корабль затонул во время шторма у берегов Экваториальной Африки. Посреди всеобщего смятения некая мисс Нэнси Мэррон, девушка из хорошей семьи, оказалась одна в шлюпке. Шлюпка выдержала натиск бури, и через некоторое время ее отнесло к небольшому острову, в те времена еще не помеченному на картах, но теперь известного под наименованием «Матемба». Континентальный берег Африки находится на расстоянии примерно пятидесяти километров от этого островка, за горизонтом – о чем, естественно, Нэнси Мэррон не подозревала. Так или иначе, она смогла выбраться на берег. Туземец нашел ее на пляже и взял с собой в племенную деревню, – врач перевернул страницу. – Девушку встретили с огромным почтением. Туземцы никогда не видели белокожих людей – ни мужчин, ни женщин – и считали ее божеством. Они построили для нее великолепную новую хижину с крышей из сухих пальмовых листьев, они приносили ей еду – хотя, как она отмечает в своем дневнике, большинство этих продуктов – слизней, кишки и тому подобное – она находила несъедобными. Кроме того, туземцы оказались каннибалами – они поедали тела всех умерших соплеменников».

Блэки поднял глаза: «В дневнике содержится достаточно объективное описание местных обычаев. Нэнси отличалась наблюдательностью, умела хорошо писать и, в общем и в целом, не надоедает читателю жалобами на невозможность вернуться домой. Она выучила язык туземцев и узнала, что она была первой белой женщиной, когда-либо посетившей Матембу, и что суда никогда не приближались к этому острову. Это обстоятельство заставило ее расстаться с любыми оставшимися надеждами. Последняя запись в ее дневнике гласит: «Я больше не могу жить среди этих дикарей, несмотря на их дружелюбие. У меня болит душа, я тоскую по Англии, по лицам моих родственников, по звукам нашего благословенного языка, по запахам и звукам старой доброй сельской местности. Я знаю, что никогда в жизни не увижу

и не услышу их снова – и не могу больше выносить это кошмарное одиночество. У меня есть нож, и мне будет очень легко им воспользоваться. Да поймет и да простит меня Бог».

Блэрни снова взглянул на Бакстера: «На этом кончается ее дневник».

Бакстер сидел неподвижно, как статуя.

«Странно, не правда ли?» – спросил Блэрни.

«Очень странно», – отозвался Бакстер.

Через несколько секунд он вскочил на ноги: «Одну минуту, Блэрни...» Взбежав вверх по лестнице – перепрыгивая через две ступеньки сразу – он повернул в коридор, остановился у белой двери, нажал кнопку звонка и стал ждать. Он ждал и ждал...

Бакстер навалился плечом на дверь – полотно вокруг врезного замка разлетелось в щепки, и он ввалился в темную комнату. Включив свет, Бакстер застыл, глядя на золотистую фигуру, лежавшую на полу – из ее груди еще струилась алая кровь...

* * *

* * *

* * *

МАСКАРАД НА ДИКАНТРОПУСЕ

Две загадки преобладали в жизни Джима Рута. Прежде всего – пирамида в пустыне, возбуждавшая в нем неутолимое любопытство. Во-вторых – невозможность наладить отношения с его женой, причинявшая ему мучительную тревогу и бесконечные опасения. В настоящий момент вторая проблема оттеснила тайну пирамиды в почти недоступные закоулки его сознания.

Беспокойно поглядывая на супругу, Рут пришел к заключению, что она собирается устроить очередной припадок. Налицо были знакомые симптомы – нервное перелистывание страниц старого журнала, напряженно выпрямленная поза, демонстративное молчание и опущенные уголки рта.

Без каких-либо предварительных замечаний она швырнула журнал в стену напротив, вскочила на ноги, подошла к открытой выходной двери и встала, глядя на равнину и постукивая пальцами по притолоке. Она тихо произнесла – так, словно ее слова не были предназначены для ушей Рута: «Еще один день этой безысходной скуки, и я окончательно сойду с ума».

Рут осторожно приблизился к ней. Если его можно было сравнить с охотничьим псом-лабрадором, его супругу – женщину роскошного телосложения, высокую и дородную – следовало бы уподобить черной пантере. У нее были длинные, волнистые черные волосы и сверкающие черные глаза. Она лакировала ногти и носила свободный черный шелковый костюм – даже здесь, на иссохшем, пустынном, негостеприимном Дикантропuse.

«Послушай, дорогая! – сказал Рут. – Не принимай это близко к сердцу. Все не так уж плохо».

Она резко развернулась, и Рут поразился яростной энергии ее взгляда: «Все не так уж плохо, по-твоему? Тебе хорошо говорить – тебе всегда было плевать на все человеческое. А меня от этого тошнит. Тошнит, слышишь? Я хочу вернуться на Землю! Никогда в жизни не мечтала побывать на другой планете. Никогда ничего не знала об археологии и знать не хочу! Не желаю больше видеть никаких камней, никаких костей, никаких микроскопов...»

Она обвела диким взмахом руки комнату, заваленную множеством камней и костей, а также микроскопами, книгами, образцами в бутылках, фотографическим оборудованием и различными туземными поделками.

Рут попытался успокоить ее, прибегнув к логике: «Очень немногим удастся пользоваться редкой возможностью жить на далекой планете другой солнечной системы, дорогая».

«Да-да, и все они чокнутые! Если бы я знала, как мы тут будем жить, никогда бы сюда не прилетела, – она снова понизила голос. – Каждый день одна и та же грязь, одна и та же пыль, одни и те же вонючие туземцы, одни и те же отвратительные консервы, и поговорить не с кем...»

Рут робко приподнял со стола и снова опустил свою трубку. «Отдохни, дорогая! – с неуверительным энтузиазмом посоветовал он. – Ложись, вздремни немного. Когда проснешься, все будет выглядеть по-другому».

Пронзив его безжалостным взглядом, она повернулась и вышла наружу, под слепящие лучи голубовато-белого солнца. Рут последовал за ней, но не так поспешно – он не забыл взять с собой солнцезащитный шлем Барбары и надеть собственный шлем. Непроизвольно подняв глаза, он взглянул на антенну – именно ради нее построили релейную станцию, именно благодаря антенне Джим Рут мог оставаться на Дикантропuse, находившемся примерно посередине между второй планетой Клэйва и системой Полярной звезды и позволявшем поэтому ретранслировать сообщения, переданные по каналам сверхсветовой связи. Антенна – трубчатая мачта из полированного металла высотой сто тридцать метров – торчала в небе, как всегда.

Барбара остановилась на берегу озера – точнее, солоноватого пруда в жерле потухшего вулкана, одного из немногих естественных водоемов на этой планете. Рут молча присоединился к ней и протянул ей солнцезащитный шлем. Она нахлобучила его на голову и отошла в сторону.

Рут пожал плечами, провожая ее глазами. Барбара обошла пруд, направляясь к роще перистолыстных цикадофитов. Там она плюхнулась на землю и расслабилась в мрачной прострации, прислонившись к толстому серовато-зеленому стволу, и, судя по всему, приготовилась наблюдать за выходками туземцев – маленьких глуповато-глазастых существ, серых, как выделанная кожа, то появлявшихся из отверстий своего кургана, то скрывавшихся в его глубинах.

Курган представлял собой нечто вроде холмика длиной метров четырехста, поросшего шиповатым кустарником и рыжевато-черными ползучими побегами. За одним исключением, это было единственное сооружение на всей равнине – на всем безнадежно выжженном солнцем пустынным пространстве от горизонта до горизонта.

Исключение составляла ступенчатая пирамида, тайна которой не давала покоя Руту – пирамида, сложенная из массивных гранитных блоков, ничем не цементированных, но обтесанных так тщательно, что щели между ними были почти незаметны. Вскоре после прибытия на Дикантропус Рут обследовал пирамиду со всех сторон, тщетно пытаясь найти какой-нибудь вход.

Когда, наконец, он взял атомный резак, чтобы выплавить отверстие в граните, внезапно собравшаяся толпа туземцев заставила его отступить – пользуясь примитивным «переговорным жаргоном», туземцы объяснили, что проникать в пирамиду запрещено. Рут неохотно подчинился их требованиям, но с тех пор поглощавшее его любопытство только усугубилось...

Кто построил пирамиду? Формой и пропорциями она напоминала зиккураты древней Ассирии. Обработка гранита свидетельствовала о навыках, очевидно неизвестных туземцам. Но если пирамиду создали не туземцы – то кто? Тысячу раз Рут перебирал в уме всевозможные гипотезы. Следовало ли считать туземцев дегенерировавшими потомками некогда цивилизованной расы? Если так, почему не было никаких других руин? И в чем заключалось назначение пирамиды? Что это – храм? Мавзолей? Сокровищница? Может быть, в нее можно было проникнуть по подземному туннелю.

Рут стоял на берегу озера, глядя в пустынный горизонт, и все эти вопросы автоматически копошились у него в уме, хотя уже потеряли первоначальную настойчивую остроту. В данный момент его мысли обременяла необходимость умиротворения супруги. Некоторое время он колебался: следовало ли подойти и снова поговорить с ней? Может быть, она уже поостыла, и будет не прочь поболтать? Рут обошел вокруг пруда и остановился, глядя сверху на ее блестящую черную шевелюру.

«Я сюда пришла, потому что хотела остаться одна», – ровно и размеренно произнесла она, и ее безразличие испугало Рута больше, чем любое оскорбление.

«Я подумал... что, может быть, тебе захочется поговорить», – промямлил Рут. – Мне очень жаль, Барбара, что тебе здесь не нравится».

Она не ответила – только поплотнее прижала затылок к стволу дерева.

«Мы вернемся домой на следующем транспортном корабле, – пообещал Рут. – Когда он должен прибыть? Я запомню».

«Через три месяца и три дня», – обронила Барбара.

Переминаясь с ноги на ногу, Рут краем глаза наблюдал за ней. В Барбаре появилось что-то новое. Ни слез, ни упреков, ни гневных восклицаний – этого уже было предостаточно.

«До тех пор давай попробуем чем-то развлечься, – отчаянно предложил он. – Давай придумаем какие-нибудь игры. Может быть, сыграем в бадминтон – или мы могли бы почаще плавать».

Барбара всхрипнула и разразилась резким язвительным смехом: «С кем мы будем играть и развлекаться? С этими тварями, снующими вокруг?» – она махнула рукой в сторону дикантропа, лениво шлепавшего мимо. Барбара пригнулась, прищурилась: «Что это у него на шее?»

Рут тоже пригляделся: «Выглядит, как алмазное ожерелье – что еще это может быть?»

«Бог ты мой!» – прошептала Барбара.

Рут подошел к краю воды: «Эй, дружище!» Огромные бархатистые глаза дикантропа повернулись к нему в глазницах. «Иди сюда!»

Туземец пошлепал к Руту; Барбара подошла и встала рядом с мужем.

«Посмотрим, что тут у тебя такое», – сказал Рут, наклонившись к ожерелью.

«Какие красивые камни!» – ахнула Барбара.

Рут задумчиво прикусил губу: «Они действительно похожи на алмазы. Причем в драгоценной оправе – из платины или иридия. Эй, дружище! Где ты это взял?»

Дикантроп отступил на шаг: «Мы находим».

«Где?»

Из дыхательных отверстий дикантропа вылетели обрывки пены – он не хотел отвечать – но Руту показалось, что глаза туземца на мгновение повернулись к пирамиде.

«Вы это нашли в большей куче камней?»

«Нет», – ответил туземец и скрылся в норке.

Барбара вернулась к дереву, села под ним и, нахмурившись, стала смотреть на пруд. Рут присоединился к ней. Некоторое время они молчали. Наконец Барбара сказала: «Наверное, пирамида набита драгоценностями!»

Рут пренебрежительно хмыкнул: «Ммм... все может быть, конечно».

«Почему ты не пойдешь и не посмотришь?»

«Я давно занялся бы раскопками – но ты же знаешь, туземцы всполошатся».

«Ты мог бы сходить туда ночью».

«Нет, – поежившись, ответил Рут. – На самом деле это нехорошо. Если они хотят, чтобы пирамида была недоступна, хотят сохранить тайну – это их дело. В конце концов, что бы там ни было, все это принадлежит им».

«Откуда ты знаешь? – жестким, не терпящим возражений тоном настаивала его жена. – Не они построили пирамиду – и, скорее всего, не они положили туда алмазы». В ее голосе появилась нотка презрения: «Ты боишься, что ли?»

«Да, – подтвердил Рут. – Боюсь. Их много, а нас – только двое. Это прежде всего. А во-вторых, что еще важнее...»

Приподнявшаяся было Барбара снова прислонилась к стволу: «Не хочу ничего слышать!»

Теперь Рут тоже разозлился и целую минуту молчал. Затем, вспомнив о том, что до прибытия транспортного корабля оставались три месяца и три дня, он сказал: «Спорить бесполезно. От этого нам обоим только труднее жить. Я ошибся – мне не следовало привозить тебя сюда. Прощу прощения. Я думал, что тебе понравится увидеть что-то новое – что, оставшись вдвоем на неведомой планете...»

Барбара его не слушала – ее мысли были отвлечены чем-то другим.

«Барбара?»

«Шшш! – она поднесла палец к губам. – Молчи! Слушай!»

Рут встрепнулся. Воздух дрожал от исходящего издалека гула: «Трумм-м-м-м...» Рут вскочил, выступил из тени под солнце и обыскал глазами небо. Звук становился громче. Сомнений не было: из космоса спускался корабль.

Рут забежал в здание станции и включил переговорное устройство – но оно молчало, сигналы не поступали. Рут вернулся к выходу. Звездолет неуклюже, жестко приземлился на каменной площадке метрах в двухстах от станции.

Это был небольшой корабль – вроде тех, какие богачи используют в качестве собственных яхт – но старый, покрытый вмятинами и царапинами. Звездолет словно дрожал в потоках раскаленного воздуха, остывающие дюзы потрескивали и шипели. Рут подошел ближе.

Штурвалы задвижек начали поворачиваться, люк распахнулся. В проеме появился человек. Несколько секунд этот человек стоял, пошатываясь. Затем его колени подогнулись, и он упал головой вперед.

Рут успел подскочить и подхватить его прежде, чем тот ударился о камни. «Барбара!» – позвал Рут. Его жена подошла. «Возьми его за ноги. Отнесем его на станцию. Ему плохо».

Они уложили незнакомца на койку – его глаза приоткрылись.

«Что случилось? – спросил его Рут. – Где вы заболели?»

«Ноги... холодные, как лед, – прохрипел незнакомец. – Плечи болят. Не могу дышать».

«Подождите-ка, я загляну в справочник», – пробормотал Рут. Он снял с полки «Стандартное руководство астронавта по оказанию первой помощи», нашел в указателе похожие симптомы и снова подошел к больному: «Вы побывали в районе Альфарда?»

«Только что оттуда», – тяжело дыша, ответил больной.

«Похоже на то, что вы подхватили лиманский вирус. Если верить руководству, инъекция микозетина вас вылечит».

Рут вставил ампулу в подкожный инжектор, приложил наконечник к предплечью незнакомца и нажал на поршень: «Теперь все должно пройти – опять же, если верить руководству».

«Спасибо! – отозвался пациент. – Я уже лучше себя чувствую». Он закрыл глаза. Рут, стоявший рядом, взглянул на Барбару. Та изучала незваного гостя с каким-то странным, расчетливым выражением на лице. Рут опустил глаза, пользуясь случаем впервые оценить внешность незнакомца. Он был молод, лет тридцати – худощавый, но очевидно сильный и выносливый, судя по бугрившимся под кожей переплетенным жилам. Лицо у него тоже было худое – почти костлявое; он где-то сильно загорел или был смуглым от рождения. Черные волосы были коротко подстрижены; в числе других особых примет можно было назвать густые черные брови, удлиненный подбородок, тонкий нос с горбинкой.

Джим Рут отвернулся. Глядя на жену, он мог предсказать будущее с тошнотворной уверенностью.

Рут промыл инжектор, поставил руководство на полку – все его движения вдруг стали неловкими и напряженными. Когда он обернулся, Барбара пристально смотрела на него широко открытыми задумчивыми глазами. Рут медленно вышел из комнаты.

На следующий день Марвилл Лэндри был на ногах – он побрился и переоделся, от его болезни не осталось и следа. Горный инженер по профессии, он сообщил Руту, что направлялся на четырнадцатую планету Тубана, чтобы приступить к работе в качестве подрядчика.

Вирусное заболевание застало его врасплох, и только благодаря счастливой случайности он заметил на навигационных картах ближайший форпост цивилизации – станцию на Дикантропусе. Он настолько ослабел, что почти ничего не соображал, когда тормозил и приземлялся, в связи с чем боялся, что у него почти не осталось топлива. Действительно, когда они проверили состояние корабля, топлива в нем не хватило бы даже для того, чтобы приподняться над поверхностью планеты.

Лэндри горестно покачал головой: «А на четырнадцатой планете Тубана меня ждет контракт стоимостью десять миллионов валютонтов».

Рут мрачно заметил: «Через три месяца должен прибыть грузопассажирский пакетбот».

Лэндри поморщился: «Три месяца – в этой чертовой дыре? Самоубийство!» Как только они вернулись на станцию, Лэндри спросил: «Как вы можете здесь жить?»

Барбара услышала это замечание: «Не можем. Каждую минуту на протяжении последних шести месяцев я была на грани истерики. Джим... – она скорчила гримасу, кивнув в сторону мужа, – Он занят своими камнями, костями и антенной. С ним не разгуляешься».

«Может быть, я смогу как-то облегчить вашу участь», – пошутил Лэндри.

«Может быть», – отозвалась Барбара, бросив на Рута безразлично-прохладный взгляд. Через некоторое время она удалилась; ее непривычно изящная походка приобрела таинственно-радостный характер.

Вечером устроили поистине праздничный ужин. Как только слепящее голубое солнце скрылось за горизонтом, Барбара и Лэндри вынесли стол на берег озера и накрыли его со всей доступной на станции роскошью. Не говоря ни слова мужу, Барбара откупорила четырехлитровую бутылку коньяка, которую Рут целый год хранил в неприкосновенности, и приготовила щедрые коктейли со льдом, консервированным лаймовым соком и вишнями в ликере «Мараскино».

Они ужинали при свечах; отблески пламени трепетали в высоких бокалах, и на какое-то время даже Джим Рут развеселился. Воздух стал чудесно прохладным, а пески пустыни, белые и чистые, как камчатное покрывало, простирались в сумрак ночи. Так они пировали, закусывая бокал за бокалом драгоценного коньяка Рута консервированной птицей с грибами и морожеными фруктами, а с другого берега пруда за ними следили из темноты туземцы.

Рут скоро отупел от выпивки, его клонило в сон – но Лэндри только оживился, а Барбара вся искрилась: гостеприимная, очаровательная и остроумная хозяйка. Ее переливчатый звонкий смех далеко разносился по ночной пустыне Дикантропуса. Барбара и Лэндри провозглашали тосты, поздравляя друг друга, и обменивались колкими шутками в адрес Рута – тот, обмякший в полусне на стуле, не реагировал. Наконец Рут заставил себя подняться и, волоча ноги, отправился спать.

На столе у озера догорали свечи. Барбара наливала коньяк. Голоса собутыльников превратились в мурлыкающее бормотание, и в конце концов свечи погасли.

Никакие человеческие пожелания и молитвы не могли продлить благословенную тьму; наступило утро, и начался день молчания и потупленных глаз. За ним последовали другие дни и ночи – время шло, как обычно. На станции уже никто почти не притворялся.

Барбара откровенно избегала Рута и, когда ей случалось что-нибудь сказать, тон ее голоса свидетельствовал о едва скрываемом злорадстве. Лэндри – уверенный в себе и в своей безопасности, щеголял гордым орлиным профилем и завел манеру сидеть в углу и посматривать то на Рута, то на Барбару так, как если бы внутренне усмехался, забавляясь возникшей ситуацией. Рут старательно сохранял спокойствие и высказывался сдержанно, не выражая ничего, кроме смысла сказанных слов.

Возникло несколько несущественных столкновений. Однажды утром, заходя в ванную, Рут обнаружил, что Лэндри пользуется его бритвой. Без лишних слов Рут протянул руку и отнял бритву.

Несколько секунд Лэндри молча смотрел Руту в глаза; его рот pokrивился – он собирался рывкнуть.

Рут улыбнулся, почти печально: «Не поймите меня неправильно, Лэндри. Есть разница между бритвой и женщиной. Эта бритва – моя. А человеческое существо не может быть собственностью. Не трогайте мои личные вещи».

Лэндри поднял брови: «Вы не в своем уме». Отвернувшись, он прибавил: «Перегрелись под солнцем, должно быть».

Проходили одинаковые дни – так же, как прежде; но теперь к их одинаковости прибавилось тяжелое напряжение. Слова произносились все реже, а взаимная неприязнь висела в воздухе, как висающие с потолка шелестящие обрывки фольги. Каждое движение, каждый контур чужого тела вызывали отвращение, воспринимались как намеренная демонстрация ненависти.

Рут почти сознательно забылся, углубившись в изучение камней и костей – проводил часы за микроскопом, делал тысячи измерений и тысячи заметок. Лэндри и Барбара завели

привычку совершать по вечерам длительные прогулки – как правило, к пирамиде – после чего медленно возвращались по плотному прохладному песку.

Тайна пирамиды внезапно вызвала у Лэндри пристальный интерес – настолько безудержный, что он решился пристать к Руту с расспросами.

«Не имею ни малейшего представления, – отвечал Рут. – Мои догадки ничем не лучше ваших. Но туземцы не хотят, чтобы кто-нибудь проникал внутрь пирамиды – это все, что я знаю».

«Мф! – Лэндри хмыкнул, глядя в пустынный горизонт. – Кто знает, что там, внутри? Барбара говорит, что на одном из туземцев было алмазное ожерелье стоимостью в тысячи валют».

«Все возможно, надо полагать, – пожал плечами Рут; он не мог не заметить, как алчно покривились губы Лэндри, как скрючились его пальцы. – Не советую рисковать, однако. Я не хочу ссориться с туземцами. Зарубите это себе на носу, Лэндри».

Лэндри спросил притворно вежливым тоном: «Вас наделили какими-то полномочиями, относящимися к этой пирамиде?»

«Нет, – коротко отозвался Рут. – У меня нет никаких полномочий».

«Значит, пирамида – не ваша собственность?» – Лэндри язвительно подчеркнул слово «ваша», напомнив Руту инцидент с бритвой.

«Нет».

«В таком случае, – сказал Лэндри, поднимаясь на ноги, – не суйте нос не в свое дело».

Он вышел из комнаты.

Рут заметил, что на протяжении дня Лэндри и Барбара что-то долго и увлеченно обсуждали, после чего Лэндри забрался в свой звездолет и что-то там искал. За ужином никто не промолвил ни слова.

Как обычно, когда погасло последнее прохладно-голубое зарево заката, Барбара и Лэндри пошли прогуляться в пустыню. Но сегодня вечером Рут наблюдал за ними и заметил рюкзак за спиной Лэндри; Барбара тоже несла какую-то сумку.

Рут расхаживал взад и вперед, яростно попыхивая трубкой. Лэндри был прав – ему не следовало совать свой нос в чужие дела. Если бы даже затея Лэндри оказалась прибыльной, он не хотел в ней участвовать. Кроме того, это была опасная затея, и ее последствия угрожали только тем, кто спровоцировал бы раздражение туземцев... А что, если нет? Что, если туземцы будут рассматривать его, Руту, как одного из виновников? С их точки зрения он был соплеменником и союзником Лэндри и Барбары. Для дикантропа человек был человеком – и, если один человек заслуживал наказания, приговор распространялся бы на всех людей в равной степени.

Приведет ли все это... к убийствам? Рут нервно жевал черенок трубки, выпуская сквозь зубы клубы дыма. В каком-то смысле он нес ответственность за безопасность Барбары. Ведь это он лишил ее возможности вести беззаботную жизнь на Земле. Рут покачал головой, положил трубку на стол и открыл ящик, в котором он хранил пистолет. Пистолета не было.

Рут обвел комнату отсутствующим взглядом. Лэндри забрал пистолет. Сегодня или уже давно? Кто его знает? Рут зашел в кухню, взял топорик для рубки мяса, засунул его за пояс под блузой и направился в пустыню.

При этом он нарочно сделал крюк, чтобы подойти к пирамиде сзади. Его окружал неподвижный воздух, темный и прохладный, как колодезная вода. Сухой песок слегка похрустывал под ногами. Сверху распростерлось небо, усеянное тысячами звезд. Где-то там остались Солнце и старая добрая Земля.

Перед ним неожиданно выросла огромная тень пирамиды – и теперь он заметил отблески света, услышал, как приглушенно звякали инструменты. Рут тихонько подошел чуть ближе и остановился в темноте, наблюдая за происходящим и напряженно прислушиваясь.

Лэндри вгрызался в гранит атомным резакком. По мере того, как он работал, Барбара оттаскивала крюком на песок отделившиеся куски. Время от времени Лэндри отступал на шаг от раскаленного участка, обтирая пот и отдуваясь.

Лэндри мало-помалу углублял и расширял выемку. Когда ее длина достигла примерно одного метра, Рут услышал возбужденное бормотание двух голосов. Они проникли внутрь, в полость пирамиды. Не оглядываясь, они протиснулись в вырезанный проход. Более осторожный Рут прислушался, всматриваясь в темноту... Никого и ничего.

Он бросился вперед, подбежал к отверстию и заглянул в него. В глазах промелькнул желтый луч фонаря Лэндри. Рут пролез в углубление и высунул голову в пустоту. В холодном воздухе пахло пылью и влажным камнем.

Лэндри и Барбара стояли метрах в пятнадцати от него. В тусклом свете фонаря виднелись голые каменные стены и каменный пол. Почему же, в таком случае, туземцы так настойчиво возражали против посещения пирамиды?

Послышался голос огорченного Лэндри: «Здесь ни черта нет – нет даже мумии, которой мог бы восхищаться твой муж!»

Рут скорее почувствовал, нежели увидел, как содрогнулась Барбара: «Уйдем отсюда, меня пробирает дрожь. Здесь темно и сыро, как в подzemелье».

«Одну минуту! Раз уж мы здесь, не мешало бы убедиться... Хм! – Лэндри водил лучом фонаря по стенам. – Любопытно!»

«Любопытно – что именно?»

«Похоже на то, что камень обработали резакком или горелкой. Смотри, как оплавилась края с внутренней стороны...»

Рут прищурился, пытаясь что-нибудь разглядеть.

«Странно! – бормотал Лэндри. – Снаружи гранит обтесан, а изнутри его плавил резакком. Кроме того, внутренняя отделка вовсе не выглядит древней...»

«Она могла сохраниться в такой атмосфере», – с сомнением предположила Барбара.

«Может быть – тем не менее, здесь все выглядит древним. Всюду пыль, все тусклое. А эти следы обработки – свежие».

«Не понимаю, как это может быть».

«Я тоже не понимаю. Тут что-то не так».

Рут напрягся. Звук снаружи? Шорох плоских ступней, шлепающих по песку. Рут начал было пятиться, вылезая из прохода, но что-то толкнуло его сзади – он растянулся на животе и вывалился головой вперед. Яркий луч фонаря Лэндри повернулся к нему. «Что такое? – донесся грубый окрик. – Кто это?»

Лежавший на полу Рут оглянулся. Фонарь озарил дюжину столпившихся за ним серых костлявых фигур. Они неподвижно стояли у стены под самым проходом, выпучив глаза, напоминавшие черные плюшевые шары.

Рут поднялся на ноги. «Ха! – воскликнул Лэндри. – И здесь, тоже». *ты*

«Не по своей воле», – мрачно отозвался Рут.

Лэндри потихоньку продвигался ближе, не отводя фонарь от дикантропов. Он резко спросил Рута: «Эти твари опасны?»

Рут окинул туземцев оценивающим взглядом: «Не знаю».

«Не двигайтесь! – прокаркал глубоким басом дикантроп, стоявший в первом ряду. – Не двигайтесь».

«Не двигайтесь? Черта с два! – воскликнул Лэндри. – Мы уходим. Здесь нет ничего, что нам пригодилось бы. Расступитесь!» – он шагнул вперед.

«Не двигайтесь... вас убьют...»

Лэндри остановился.

«Ну что тут такого? – тревожно вмешался Рут. – Мы просто хотели посмотреть. Здесь ничего нет».

«Поэтому вас убьют. Здесь ничего нет – теперь вы знаете. Теперь вы захотите посмотреть в другом месте. Пока вы думали, что здесь важное место, вы не искали другое место. Мы вас уьем, прилетит новый человек, будет думать, что здесь важное место».

Лэндри пробормотал: «Вы понимаете, о чем он говорит?»

Рут медленно ответил: «Не уверен». Он обратился к дикантропу: «Нам не нужны ваши тайны. Нет никаких причин для того, чтобы от нас что-нибудь скрывать».

Туземец вскинул голову: «Тогда зачем вы пришли? Вы ищете тайны?»

Из-за спины Лэндри послышался голос Барбары: «Что вы прячете? Алмазы?»

Туземец снова вскинул голову. Что означал этот жест? Насмешку? Гнев? Эмоции дикантропов, конечно, нельзя было выразить человеческими словами: «Алмазы – ничто. Просто камни».

«Хотел бы я увезти полный трюм таких камней», – проворчал себе под нос Лэндри.

«Послушайте меня! – умоляюще обратился к туземцам Рут. – Отпустите нас, и мы больше не будем искать ваши тайны. Мы не должны были сюда вламываться, и я прошу прощения за то, что так случилось. Мы починим стену...»

Дикантроп издал тихий, шипящий, булькающий звук: «Вы не понимаете. Вы расскажете другим людям – в пирамиде ничего нет. Потом другие люди будут искать другие вещи. Они будут бегать вокруг и смотреть, смотреть, смотреть. Это неправильно, так не должно быть. Вы умрете, и все будет как раньше».

«Ты слишком много болтаешь! – злобно выпалил Лэндри. – И мне не нравится твоя болтовня. Пора убираться отсюда». Он вынул пистолет Рута. «Пошли! – приказал он Руту. – Пошевеливайся!»

Повернувшись, он прикрикнул на туземцев: «Дайте пройти – или мне самому придется убивать!»

По толпе дикантропов прокатилась шелестящая волна движения, они начали возбужденно верещать тонкими голосками.

«Их нужно разогнать! – орал Лэндри. – Если они вылезут наружу, нас огреют камнями по голове, как только мы высунемся. Пошли!»

Он ринулся вперед, Рут бросился за ним. Лэндри пользовался рукояткой пистолета, как дубинкой, а Рут размахивал кулаками – отлетая к стене, дикантропы шлепались и хрустели, как кукурузные стебли. Лэндри прорвался в проход. Рут протолкнул туда же Барбару и, отгоняя пинками пытавшихся удержать его туземцев, выбрался под открытое небо.

Выпрыгнув из прохода, Лэндри по инерции отбежал на несколько шагов от пирамиды и очутился в гуще разъяренной толпы дикантропов. Рут, следовавший за ним не столь поспешно, прижался спиной к гранитному основанию пирамиды. «Здесь, кажется, собралась вся колония!» – прокричал он на ухо Барбаре. Некоторое время он был занят, отбиваясь от нахлынувшей стаи туземцев и стараясь по мере возможности прикрывать Барбару. Край первого уступа пирамиды доходил ему примерно до плеча.

«Встань мне на руки! – задыхаясь, сказал он жене. – Я подтолкну тебя вверх».

«Но – Лэндри!» – сдавленно всхлипнула Барбара.

«Взгляни на эту толпу! – яростно рявкнул Рут. – Мы ничего не можем сделать». Внезапный натиск маленьких костлявых тел едва не свалил его с ног: «Лезь наверх, скорее!»

Продолжая всхлипывать, Барбара поставила ногу на его переплетенные пальцы. Он подбросил ее на первый уступ. Сбрасывая облепивших его туземцев, он прыгнул, подтянулся и взобрался на тот же уступ.

«Теперь беги!» – прокричал он ей, и Барбара побежала вдоль уступа.

Из темноты послышался отчаянный крик: «Рут! Рут! Ради всего святого! Меня...» Донесся еще один хриплый крик, превратившийся в визгливый предсмертный вопль. Наступило молчание.

«Скорее!» – подгонял жену Рут. Они добежали до угла пирамиды. «Прыгай! – задыхаясь, приказал Рут. – Вниз, на землю!»

«Лэндри!» – простонала Барбара, пошатываясь на краю уступа.

«Вниз!» – зарычал Рут. Он толкнул ее на белый песок, спрыгнул сам и, схватив ее за руку, припустил со всех ног к зданию станции. Примерно через минуту, оставив преследователей далеко позади, он замедлился и побежал трусцой.

«Надо вернуться! – кричала Барбара. – Ты оставишь его на растерзание этим бесам?»

Несколько секунд Рут молчал, после чего, тщательно выбирая слова, ответил: «Я предупреждал его держаться подальше от пирамиды. Все, что с ним случилось, случилось по его вине. И, что бы ни случилось, это уже произошло. С этим уже ничего не поделаешь».

На фоне неба выделялся высокий темный силуэт – звездолет Лэндри.

«Заберемся туда, – сказал Рут. – Там безопаснее, чем на станции».

Он помог Барбаре залезть в корабль и наглухо задраил входной люк. «Ох! – отдуваясь, Рут покачал головой. – Никогда не подумал бы, что так пойдут дела».

Рут уселся в кресле пилота и стал смотреть в иллюминатор на пустыню. Тихонько всхлипывая, Барбара свернулась калачиком у него за спиной.

Прошел час – в полном молчании. Затем, без предупреждения, с холма за прудом поднялся оранжевый огненный шар, поплывший к зданию станции. Рут моргнул и резко выпрямился в кресле. Лихорадочно схватившись за корабельный пулемет, он нажал на курок – безрезультатно.

Когда он нащупал наконец рычажок предохранителя и поднял его, оранжевый шар уже висел над станцией, и Рут не стал стрелять. Пролетая мимо антенны, шар прикоснулся к ней – чудовищный взрыв заполнил вспышкой весь иллюминатор. Взрыв обжег Руту глаза и повалил его на палубу. Корабль покачнулся; Рут лежал оглушенный, почти без сознания.

Барбара стонала. Рут заставил себя подняться на ноги. Там, где была станция, чернела выжженная яма с торчащими из нее скрюченными, переплетенными металлическими брусками. Рут ошеломленно опустился в кресло, запустил топливный насос и погрузил в топливо катализаторы. Корабль вздрогнул и приподнялся на несколько метров над поверхностью. Дюзы прерывисто шипели и плевались.

Рут взглянул на индикатор запаса топлива – и пригляделся снова. Стрелка остановилась на нуле – обстоятельство, о котором Рут знал, но успел забыть. Он выругался, проклиная свою глупость. Дикантропы могли не заметить, что они прятались в звездолете – если бы он не привлёк к себе внимание.

С вершины холма поплыл еще один оранжевый шар. Рут подскочил к пулемету и выпустил в огненный шар залп взрывных пуль. Снова прогремел ослепительный взрыв, сорвавший, как шапку порывом ветра, всю вершину холма – и обнаживший под ней нечто вроде гладкой, слоистой черной скалы.

Рут обернулся к Барбаре: «Вот и все!»

«Что... что ты имеешь в виду?»

«Бежать некуда. Рано или поздно...» Его голос замер. Протянув руку вверх, он повернул рифленый диск с надписью «АВАРИЙНЫЙ ВЫЗОВ». Загудел корабельный генератор сигналов сверхсветовой связи. Рут произнес, наклонившись к микрофону: «Станция на Дикантропсе – нас атакуют туземцы! Срочно пришлите помощь!»

Он опустился в кресло. Записанное сообщение должно было бесконечно повторяться, пока не выключится система связи.

Пошатываясь, Барбара подошла к креслу пилота: «Эти оранжевые шары – что это было?»

«Я тоже задаю себе этот вопрос. Какие-то бомбы».

Но третья бомба не появилась. Вскоре стала разгораться утренняя заря, и холм превратился в силуэт на фоне пронзительно-голубого неба. У них над головами пульсировал передатчик, бесконечно посылавший в космос отчаянное сообщение Рута.

«Как долго придется ждать помощи?» – прошептала Барбара.

«Слишком долго, – отозвался Рут, неподвижно глядя на холм. – Надо полагать, они испугались пулемета – иначе непонятно было бы, чего они ждут. Может быть, восхода солнца».

«Они могут...» – голос Барбары прервался: она напряженно смотрела в иллюминатор. Рут посмотрел туда же – и ошеломленно застыл, не веря своим глазам. Холм за прудом раскрывался, крошился и разваливался...

Рут сидел и распивал коньяк с капитаном пакетбота «Метод», прилетевшего к ним на помощь.

Капитан качал головой: «Я повидал много странных вещей в этом скоплении, но с подобным маскарадом ничто не сравнится».

Рут сказал: «С одной стороны все это странно, с другой – неизбежно и прямолинейно, как таблица умножения. Дикантропы играли свою роль так, как умели, и это у них получалось чертовски убедительно. Если бы не мерзавец Лэндри, нас оставили бы в дураках на веки вечные».

Капитан со стуком поставил стакан на стол и уставился на Рута: «Но ?» *зачем*

Рут ответил не спеша: «Им нравился Дикантропус. Эта проклятая богом дыра – бесплодная пустыня с нашей точки зрения – для них это рай. Им нравилась жара, им нравилась сухость. И они не хотели, чтобы всякие инопланетяне совали свой нос в их дела – а мы наверняка стали бы этим заниматься, если бы догадались, что нам показывают потемкинскую деревню. Надо полагать, их потрясло до глубины души приземление первого земного звездолета».

«А пирамида...»

«Исключительно изобретательная уловка. Они неплохие психологи, эти дикантропы – в той мере, в какой инопланетяне вообще способны понимать склад человеческого ума. В отчете о первом контакте с дикантропами нет никакого упоминания о пирамиде. Почему? Потому что ее не было! Лэндри показалось, что она новая. И он был прав. Она была новехонькая. Мошенническая декорация – достаточно странная, чтобы отвлекать наше внимание.

Пока там торчала пирамида, и вся моя умственная энергия была сосредоточена на ней, колония дикантропов оставалась в безопасности – и как они над нами смеялись, представляю себе! Но как только Лэндри взломал пирамиду и обнаружил подделку, комедия закончилась...

Пожалуй, в конце концов они просчитались, – задумчиво продолжал Рут. – Скорее всего, у них не было никакого представления о преступности, об антисоциальных явлениях. Если бы каждый послушно делал то, что приказано, люди никогда не раскрыли бы их тайну, – Рут рассмеялся. – Так что, может быть, они не так уж хорошо понимали человеческую природу».

Капитан снова наполнил стаканы, они молча выпили. «Хотел бы я знать, откуда они взялись», – сказал он наконец.

Рут пожал плечами: «Скорее всего, мы никогда не узнаем. С какой-то жаркой, засушливой планеты, несомненно. Может быть, они – беженцы или приверженцы какой-нибудь особенной религиозной секты. Или просто колонисты».

«Трудно сказать, – мудро согласился капитан. – Чуждая раса, чуждая психология. С этим приходится сталкиваться постоянно».

«Слава богу, они не слишком мстительны, – заметил Рут, говоря скорее не с капитаном, а с самим собой. – Не сомневаюсь, что они могли бы прикончить нас десятками различных способов после того, как я передал аварийный вызов. Но вместо этого они удрали».

«Все складывается, как кусочки головоломки», – признал капитан.

Пригубив коньяку, Рут кивнул: «Как только я передал сверхсветовой сигнал, их изоляции пришел конец. Независимо от того, прикончили бы нас или нет, земляне стали бы рыскать

вокруг станции, все вынюхивать и высматривать, залезать в туннели – и тайна дикантропов раскрылась бы».

Рут и капитан молча разглядывали в иллюминатор зияющий провал с другой стороны пруда, где под зарослями шиповатого кустарника и рыжевато-черных ползучих побегов скрывался захороненный гигантский звездолет.

«И как только земляне обнаружили бы их звездолет, – продолжал Рут, – поднялась бы суматоха отсюда до самого Фомальгаута. Такая чудовищная масса! Мы захотели бы узнать всю подноготную – устройство их космического двигателя, историю их цивилизации, все на свете. Если они надеялись незаметно держаться в тени, им пришлось бы попрощаться с этой надеждой. Если они были колонистами, прилетевшими из системы другой звезды, они обязаны были хранить свои секреты так же, как мы храним наши».

Барбара стояла у развалин станции и ворошила палкой обугленный мусор. Она обернулась, и Рут увидел у нее в руке свою трубку. Трубку, обожженную и покрытую выбоинами, все еще можно было узнать. Барбара медленно протянула ее Руту.

«Что скажешь?» – спросил Рут.

Она ответила тихо и сдержанно: «Теперь, когда я собираюсь улететь отсюда, мне кажется, что я буду тосковать по Дикантропусу». Повернувшись к нему, она прибавила: «Джим...»

«Да?»

«Если хочешь, я тут останусь еще на год».

«Нет, – отозвался Рут, – мне самому тут не нравится».

«Значит... ты не простишь мои глупости...» – еще тише сказала она.

Рут поднял брови: «Прощу, почему нет? Я никогда тебя ни в чем не обвинял. Ты – человек. Это невозможно отрицать».

«Но тогда... почему ты ведешь себя... как Моисей, получивший заповеди от бога?»

Рут пожал плечами.

«Можешь мне верить или не верить, – продолжала она, отводя глаза в сторону, – но я никогда...»

Он прервал ее резким взмахом руки: «Какая разница? Даже если бы это случилось, у тебя были для этого основательные причины. Я не стал бы напоминать тебе об этом».

«Но ты затаил бы обиду – в глубине сердца».

На это Рут ничего не сказал.

«Я хотела причинить тебе боль. Я постепенно сходила с ума – и, судя по всему, тебе не было до этого никакого дела. Ты сказал ему... что я – не твоя собственность».

Рут печально улыбнулся: «Я тоже человек».

Он кивнул в сторону провала за прудом, где прятался звездолет дикантропов: «Если ты все еще хочешь найти алмазы, спустись в эту яму с корзиной. Там полно алмазов размером с грейпфрут. Это древняя вулканическая пробка, и залежам в ней позавидовал бы владелец любого алмазного рудника. Я зарегистрировал заявку на весь участок за прудом – как только сюда доставят оборудование, мы сможем играть алмазами в бильярд».

Они медленно направились к пакетботу.

«На Дикантропусе теперь слишком много народу, – задумчиво сказал Рут. – На Земле живут миллиарды людей, но там мы сможем укрыться от посторонних глаз».

* * *

* * *

СТАНЦИЯ ЭЙБЕРКРОМБИ

I

Две девушки игриво задавали вопросы, пытаясь разговорить охранника – сурового грузного субъекта с лошадиной физиономией и кожей, напоминавшей изъеденный водяными парами цинк.

Тот отвечал ни к чему не обязывающим ворчанием: «Придется вам подождать... ничего не знаю и знать не хочу».

Он подал знак сидевшей рядом с Джиной привлекательно одетой блондинке. Та поднялась на ноги. Охранник отодвинул внутреннюю дверь. Блондинка быстро прошла в следующую комнату – дверь закрылась у нее за спиной. Она осторожно сделала шаг вперед и тут же остановилась. Человек, сидевший на старомодном кожаном диване, разглядывал ее из-под полуприкрытых век.

Поначалу она не заметила ничего подозрительного. Этому молодому человеку – непримечательной, по ее мнению, внешности, не высокому и не приземистому, не коренастому и не худощавому – было не больше двадцати четырех или двадцати пяти лет. Его прическа и черты лица тоже ничем особенным не отличались, он носил неприметный сероватый костюм.

Поза человека на диване изменилась, он внезапно широко открыл глаза. Блондинка ощутила укол испуга. Может быть, она ошиблась?

«Сколько тебе лет?»

«Мне... двадцать лет».

«Разденься».

Девушка выпучила глаза, крепко сжимая сумочку пальцами с побелевшими от напряжения костяшками. Она порывисто вздохнула; интуиция подсказывала ей: «Подчинись ему сейчас, сдайся однажды – и он станет твоим хозяином до конца твоих дней».

«Нет... нет! Не буду я раздеваться».

Она поспешно отвернулась и протянула руку к ручке раздвижной двери. Молодой человек безучастно произнес: «Ты слишком старая, в любом случае».

Дверь рывком отодвинулась; блондинка быстро вышла в приемную, не глядя по сторонам.

К ее плечу кто-то прикоснулся. Она остановилась и взглянула сверху на чернобровое лицо, бледно-розовое с оттенком слоновой кости – юное, выражавшее живость и ум, с черными глазами, коротко подстриженными черными волосами, чудесной чистой кожей и не напмаженными губами.

Джина спросила: «Что там делается? Какую работу они предлагают?»

Блондинка натянуто ответила: «Не знаю. Я не успела ничего понять и сразу ушла. Ничего хорошего там нет». Она подняла голову и вышла на улицу.

Джина откинулась на спинку стула и задумчиво поджала губы. Прошла минута. Еще одна девушка, с раздувшимися от возмущения ноздрями, почти выбежала из внутреннего помещения и прошла к выходной двери, не глядя по сторонам.

Джина усмехнулась. У нее были маленькие, белые, очень острые зубы и широкий, выразительный и подвижный рот.

Охранник подал ей знак. Она вскочила и зашла во внутреннюю комнату.

Человек на диване молча курил. Перед ним поднималось серебристое облачко дыма, постепенно растворявшееся в воздухе. Джина подумала: «В его полной неподвижности есть что-то странное. Он весь сжался, напрягся».

Она заложила руки за спину и ждала, внимательно наблюдая за курильщиком.

«Сколько тебе лет?»

Как правило, на такие вопросы лучше было не отвечать прямо. Джина с улыбкой наклонила голову набок, что придавало ей дерзкий, бесшабашный вид: «А как вы думаете, сколько мне лет?»

«Шестнадцать или семнадцать».

«Что-то в этом роде».

Он кивнул: «Что-то в этом роде. Как тебя зовут?»

«Джина Парльё».

«С кем ты живешь?»

«Ни с кем. Я живу одна».

«Родители?»

«Умерли».

«Дед? Бабушка? Опекун?»

«Я одна».

Он кивнул: «И у тебя не было никаких неприятностей с полицией?»

Джина бросила на него тревожный взгляд: «Нет».

Он еще раз кивнул – этого было достаточно, чтобы по вздрогнувшему облачку дыма пробежала волна: «Разденься».

«Зачем?»

«Так проще всего проверить твою квалификацию».

«Что ж, пожалуй, в каком-то смысле это так и есть... Какую квалификацию – телесную или нравственную?»

Он не ответил и продолжал безучастно ее разглядывать сквозь поднимавшуюся перед его глазами пелену дыма.

Джина пожалала плечами; ее руки сделали несколько быстрых движений – взяли за блузу по бокам, поднялись к шее, прикоснулись к юбке в талии, скрылись за спиной, опустились вдоль ног: она обнажилась.

Наблюдатель еще раз затянулся сигаретой, выпустил дым, погасил окурок в пепельнице, поднялся на ноги и медленно приблизился к ней.

«Он хочет меня напугать», – подумала Джина и усмехнулась. Пусть попробует!

Молодой человек остановился в полуметре от нее, глядя ей прямо в глаза: «Ты действительно хочешь заработать миллион?»

«Иначе почему бы я сюда пришла?»

«Ты буквально поняла текст объявления?»

«А как еще его можно было понять?»

«Как метафору, как преувеличение».

Она ухмыльнулась, обнажив острые белые зубы: «Не знаю, о чем вы говорите. Так или иначе – я здесь. Если вы поместили объявление только для того, чтобы разглядывать голых девушек, я уйду».

Выражение его лица не изменилось. «Странно!» – подумала Джина. Поза и движения, поворот головы, неподвижно сосредоточенные глаза – все в этом молодом человеке производило странное впечатление. Он сказал – так, как будто ее не слышал: «На объявление отозвались немногие».

«Меня это не касается. Я хочу получить миллион долларов. Что для этого потребуется? Шантаж? Мне придется выдавать себя за кого-то?»

Он игнорировал ее вопросы: «Что ты сделаешь с миллионом, если его получишь?»

«Не знаю... Не стала бы об этом беспокоиться, пока деньги не будут у меня в руках. Вы уже проверили мою квалификацию? Здесь прохладно».

Он быстро отвернулся, подошел к дивану и уселся. Джина быстро натянула юбку и блузу, тоже подошла к дивану и осторожно присела, повернувшись к нему лицом.

Он сухо произнес: «Ты соответствуешь требованиям – даже слишком!»

«Как это понимать?»

«Неважно».

Джина наклонила голову набок и рассмеялась. Она выглядела, как здоровая хорошенькая школьница, которой полезно было бы чаще гулять под солнцем: «Так расскажите – что я должна сделать, чтобы заработать миллион долларов?»

«Тебе предстоит выйти замуж за богатого молодого человека, страдающего... скажем так, неизлечимой болезнью. Когда он умрет, его имущество достанется тебе. Ты продашь мне это имущество за миллион долларов».

«Очевидно, его имущество стоит больше миллиона».

Он ответил на вопрос, которого она не задавала: «Речь идет примерно о миллиарде».

«О каком заболевании вы говорите? Я могу заразиться?»

«Обо всем, что связано с болезнью, позабочусь я. Ты не заразишься, если не будешь совать свой нос, куда не следует».

«О! Понятно... Расскажите о нем поподробнее. Он хорошо выглядит? Большой и сильный? Мне будет его жаль, если он умрет?»

«Ему восемнадцать лет. Он интересуется, главным образом, своей коллекцией. Зоология его тоже интересует, – язвительно прибавил он. – Твой будущий супруг – выдающийся зоолог. Его зовут Эрл Эйберкромби. Он, – молодой человек поднял руку к потолку, – владелец Станции Эйберкромби».

Джина уставилась на него и неуверенно рассмеялась: «Миллион долларов можно было бы заработать и проще... Эрл Эйберкромби?»

«Побрезгуешь?»

«Наяву – нет. Но мне будут сниться кошмары».

«Принимай решение».

Джина скромно опустила глаза к рукам, сложенным на коленях: «Миллион – очень небольшая часть миллиарда».

Он взглянул на нее почти одобрительно: «Действительно, небольшая».

Джина поднялась на ноги – грациозная, как танцовщица: «Вам останется только подписать чек. Выходить за него замуж и ложиться с ним в постель придется мне».

«На Станции Эйберкромби нет постелей».

«Так как он живет на станции, может быть, он мной даже не заинтересуется».

«Эрл – не такой, как другие, – отозвался немногословный наблюдатель. – Ему нравятся земные девушки».

«Учитывайте, что, когда он умрет, вам придется обойтись тем, что я захочу вам отдать. Кроме того, его имущество может быть передано под опеку распорядителей».

«Не обязательно. Согласно гражданскому кодексу Станции Эйберкромби, имуществом может распоряжаться любое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Эрлу восемнадцать лет. Он полностью контролирует всю станцию – если не считать нескольких несущественных ограничений. О передаче прав собственности я позабочусь». Он подошел к двери и раздвинул ее: «Хаммонд!»

В комнату молча зашел охранник с продолговатой физиономией.

«Я ее нанял. Скажите другим, чтобы шли домой».

Закрыв дверь, молодой человек повернулся к Джине: «Я хочу, чтобы ты со мной поужинала».

«Я не одета к ужину».

«К тебе придет модельер. Постарайся приготовиться за час».

Он вышел, дверь закрылась. Джина потянулась, откинула голову назад и беззвучно, торжествующе рассмеялась. Подняв руки над головой, она сделала шаг вперед и ловко прошлась колесом по ковру, закончив заключительный прыжок перед окном.

Опустившись на колени, она сложила руки на подоконнике, опустила подбородок на ладони и стала смотреть сверху на Метрополь. Сгущались сумерки. Три четверти поля зрения занимало огромное золотисто-серое небо. В трехстах метрах под окном виднелись бледно-серые, сиреневые и черные крыши; между ними по едва различимым дорогам сновали потоки золотистых огоньков. Справа к гористым окраинам беззвучно скользили по невидимым желобам силовых полей летательные аппараты – усталые нормальные люди возвращались в нормальные уютные жилища. Что бы они подумали, если бы знали, что за ними наблюдает она, Джина Парльё? Например, вот этот субъект в глянцево-«Небесном страннике» с бледно-зелеными шевронами... Она представила себе пилота: пухлого, с лысеющим лбом, изборожденным морщинами повседневных забот. Он торопился домой, к жене, терпеливо выслушивающей его похвальбы или ворчание. «Послушные скоты со своими послушными коровами!» – беззлобно подумала Джина. Какой мужчина смог бы ее подчинить? Родился ли на свет человек достаточно дикий, проницательный и безжалостный?

Вспомнив о новой работе, она поморщилась. Госпожа Джина Эйберкромби! Она взглянула на небо. Звезды еще не зажглись, и огни Станции Эйберкромби нельзя было заметить.

Миллион долларов, подумать только! «Что ты сделаешь с миллионом, если его получишь?» – спросил ее странный работодатель. Теперь, когда она пыталась ответить себе на этот вопрос, такая перспектива вызвала у нее внутреннюю неловкость, от нее перехватывало дыхание.

Что она почувствует? Как она... Джина с раздражением отпрянула от мысли о богатстве, как если бы к ней лучше было не прикасаться. «К черту! – сказала себе Джина. – Время беспокоиться наступит, когда я получу деньги... Миллион долларов. Не слишком щедрая доля миллиарда, по сути дела. Два миллиона меня вполне устроили бы».

Она проследила глазами за элегантно-красным аэрогиссером, круто нырнувшим к стоянке: новенький, с иголки «Маршалл-лунатик»! Такой она хотела бы иметь. Такой она купит себе первым делом.

Дверь раздвинулась. В комнату заглянул охранник Хаммонд. Тут же зашел модельер, толкавший перед собой тележку с принадлежностями – стройный маленький блондин с яркими глазами топазового оттенка.

Джина отвернулась от окна. Модельер – судя по надписи, нанесенной по трафарету на эмалированную коробку, его звали Андре, – попросил ее перейти на хорошо освещенное место и принялся ходить вокруг Джины, разглядывая ее с головы до ног.

«Да-да, – бормотал он, то поджимая, то выпячивая губы. – Да, конечно... Так что же хотела бы надеть уважаемая леди?»

«Вечернее платье, надо полагать».

Андре кивнул: «Господин Фозерингей упомянул о наряде для торжественного вечернего приема».

Значит, так звали молодого курильщика: Фозерингей.

Модельер поднял экран, установленный на тележке: «Будьте так любезны, взгляните на некоторые из моих образцов: может быть, вам что-то понравится».

На экране появились шагающие, улыбающиеся, разворачивающиеся и уходящие модели. «Что-нибудь в этом роде», – показала пальцем Джина.

Андре отозвался одобрителем жестом и прищелкнул пальцами: «У мадемуазель тонкий вкус! А теперь посмотрим... Если мадемуазель позволит мне помочь...»

Он ловко расстегнул ее блузу и юбку, сложил их на диване: «Прежде всего нам следует освежиться». Модельер выбрал один из инструментов и, деликатно поддерживая кисти Джины

большим и указательным пальцами, опрыскал ее предплечья сначала прохладным туманом, а затем теплым надушенным воздухом. Джина почувствовала покалывание, свежесть и бодрость кожи.

Андре постучал пальцем по подбородку: «Теперь нанесем основу».

Джина стояла, полузакрыв глаза, пока модельер суетился вокруг нее, то отходя на шаг, то делая шепотом какие-то замечания и сопровождая их жестами, понятными только ему самому.

Он опрыскал ее составом, образовавшим серо-зеленую сетку, прикасаясь к постепенно твердеющим нитям и натягивая их. Затем модельер отрегулировал ребристые круглые головки на концах гибкой трубки, туго обернул трубкой ее талию и тут же ослабил натяжение – из трубки стало выделяться блестящее полотнище черно-зеленого шелка. Андре искусно сгибал и поворачивал трубку. Положив трубку обратно в коробку на тележке, он принялся растягивать, скручивать, сминать и разминать застывающий шелк.

После этого модельер опрыскал ее бледно-белым составом, быстро подскочил почти вплотную и стал складывать, формовать, прищемлять и растягивать материал, ниспадавший с плеч перекрученными лентами и образовавший свободную шелестящую юбку.

«Теперь – перчатки». Андре нанес на предплечья и руки Джины теплую черно-зеленую пульпу, превратившуюся в искрящийся звездочками бархат, и привычными умелыми движениями ножиц обнажил вырезами тыльные стороны ее рук.

«Тапочки!» Джина надела черные атласные туфельки, покрытые светящейся изумрудно-зеленой сеткой.

«А теперь – украшения». Андре повесил красную серьгу под мочкой правого уха Джины и надел ей на правую руку браслет с неограниченным рубином.

«Аромат – самую малость! „Левайёр“, конечно». Он опрыскал ее духами, напоминавшими о цветочной клумбе где-то в Средней Азии. «Теперь мадемуазель одета, – заключил модельер. – И, должен признаться... – тут он поклонился с таким жестом, словно снял шляпу и провел ею по полу, – мадемуазель выглядит, как воплощение изысканной красоты».

Андре нажал какую-то кнопку на боковой панели тележки. Развернулось высокое зеркало.

Джина изучила свое отражение. Пылкая наядя! Когда она получит миллион долларов – лучше два миллиона – она непременно сделает Андре своим персональным модельером.

Андре все еще бормотал комплименты: «Непревзойденная возвышенность! Чаровница. Впечатляюще, неподражаемо! Никто не сможет оторвать глаз...»

Дверь отодвинулась, в комнату зашел Фозерингей. Андре низко поклонился и сложил руки на животе.

Фозерингей взглянул на Джину: «Ты готова. Хорошо. Пойдем!»

Джина подумала: «Лучше всего покончить с этим здесь и сейчас».

«Куда?» – спросила она.

Фозерингей слегка нахмурился и отошел на пару шагов, чтобы пропустить Андре, удалившегося вместе с тележкой.

Джина сказала: «Я пришла сюда по своей воле. Я зашла в эту комнату сама, меня никто не принуждал. При этом я прекрасно понимала, что делала. Теперь вы говорите мне: „Пойдем!“ Прежде всего я должна знать, куда мы идем. А потом уже решу, пойду я туда или нет».

«Похоже на то, что ты не слишком нуждаешься в миллионе долларов».

«В двух миллионах. И я достаточно в них нуждаюсь, чтобы потратить весь вечер на предварительное расследование... Если я не получу эти деньги сегодня, я получу их завтра или на следующей неделе. Так или иначе я их получу, я давно так решила. Что скажете?» – она опустила в воздушном реверансе.

Зрачки Фозерингея сузились. Он сказал, сдержанно и размеренно: «Хорошо. Два миллиона. Теперь мы поднимемся на крышу и поужинаем. Тем временем ты получишь указания».

II

Они медленно парили под куполом в зеленоватом пластиковом пузыре. Под ними простирался коммерческий фантастический ландшафт далекой планеты: серый газон, сучковатые красные и зеленые деревья, отбрасывающие контрастные черные тени, пруд, заполненный флюоресцентной зеленой жидкостью, клумбы экзотических цветов, грядки грибов.

Пузырь потихоньку дрейфовал в воздухе – по всей видимости произвольно – то высоко, под почти невидимым куполом, то низко, под кронами деревьев. Блюда, вместе с бокалами охлажденного вина и подмороженного пунша, появлялись одно за другим в центре стола.

«Чудесно и роскошно!» – думала Джина. Но почему бы Фозерингей тратился на нее? Может быть, он испытывал романтические чувства... Она поиграла с этой мыслью, тайком наблюдая за ним. Такое допущение представлялось неубедительным. Фозерингей не делал никаких ходов, характерных для флирта. Он не пытался очаровать ее любезностью или впечатлить показной мужественностью. Джина вынуждена была раздраженно признать, что ее собеседник выглядел... безразлично.

Она поджала губы. Происходящее приводило ее в замешательство. Она попробовала привлечь внимание полуулыбкой со взглядом искоса из-под опущенных ресниц.

«Не старайся зря, – посоветовал Фозерингей. – Когда ты поднимешься на станцию, тебе понадобятся все твои уловки».

Джина вернулась к ужину. Через минуту он спокойно сказала: «Мне было... любопытно».

«Теперь ты знаешь».

Джина попробовала дразнить его, пробудить в нем какие-то эмоции: «Знаю – что?»

«То, что вызывало у тебя любопытство – что бы то ни было».

«Пфа! Мужчины, как правило, одинаковы. У каждого одна и та же кнопка. Стбит ее нажать – и все они прыгают в одну и ту же сторону».

Фозерингей нахмурился, прищурился, бросил на нее оценивающий взгляд: «Возможно, ты еще не настолько повзрослела, как может показаться».

Джина напряглась. В каком-то необычном, не поддающемся определению смысле разговор приобрел огромное значение – как если бы ее способность выжить зависела от ее уверенности в своей искушенности, от умения приспосабливаться.

«Что вы имеете в виду?»

«Ты делаешь допущение, свойственное всем хорошеньким девушкам, – с едва заметным презрением ответил он. – Я думал, ты умнее».

Джина нахмурилась. Ее жизненный опыт мало располагал к абстрактному мышлению: «У меня никогда не было возможности наблюдать другую реакцию. Хотя я готова признать, что могут существовать исключения... Это своего рода игра – и я еще никогда не проигрывала. Даже если я заблуждаюсь на свой счет, до сих пор мне не приходилось платить за ошибки».

Фозерингей успокоился: «Тебе повезло».

Джина потянулась, выгнувшись всем телом, и улыбнулась так, словно ей пришла в голову забавная мысль: «Называйте это везением, если хотите».

«Когда имеешь дело с Эрлом Эйберкромби, везение не помогает».

«Вы первый произнесли это слово. На мой взгляд, удачливость – своего рода талант».

«Тебе придется пользоваться мозгами, а не только инстинктами». Поколебавшись, он прибавил: «По сути дела, Эрлу нравятся... странные вещи».

Нахмурившись, Джина сидела и ожидала дальнейших откровений.

Ее собеседник с прохладцей заметил: «Ты размышляешь о том, как лучше всего было бы задать вопрос: „Что во мне странного?“»

Джина резко обронила: «Мне не нужно объяснять, что во мне странного. Я и сама это знаю».

Фозерингей не высказал никаких замечаний.

«Я надеюсь только на себя, – продолжала Джина. – Во всех мирах, населенных людьми, я ни за кого не дам ломаного гроша. Делаю, что хочу, и никто мне не указ». Она внимательно следила за реакцией Фозерингея. Тот безразлично кивнул. Джина подавила приступ раздражения, откинувшись на спинку стула и принялась изучать собеседника так, будто он был экспонатом за стеклянной витриной... Странный молодой человек! Интересно, он когда-нибудь улыбается? Его поведение напомнило Джине о фибратах из системы Капеллы – согласно неподтвержденным слухам, они умели вживляться в спинной мозг человека и контролировать его мышление. Холодность Фозерингея была достаточно необычной, чтобы в нем можно было заподозрить манекена, управляемого инопланетным паразитом... Но капелланский фибрат мог успешно манипулировать только одной рукой, а не двумя одновременно. Фозерингей держал в правой руке нож, а в левой вилку. Гипотеза не подтвердилась.

Он тихо произнес: «Я тоже наблюдал за твоими руками».

Закинув голову, Джина рассмеялась – здоровым подростковым смехом. Фозерингей поглядывал на нее без какого-либо поддающегося определению выражения.

«На самом деле вы хотели бы узнать обо мне побольше, – парировала Джина, – но чопорное высокомерие мешает вам задавать вопросы».

«Ты родилась в Ангельске на Кодироне, – сказал Фозерингей. – Мать подкинула тебя – оставила в таверне. Азартный игрок по имени Джо Парлье позаботился о тебе. Когда тебе исполнилось десять лет, ты прикончила его и трех других мужчин, после чего улетела с Кодирона зайцем на пакетботе „Буцирус“ компании „Серые лайнеры“. Тебя сдали в приют для беспризорных детей в городе Пэй на планете Гордобелла. Ты сбежала оттуда, причем суперинтендант приюта был найден мертвым... Продолжать? Мне известны все твои проделки на протяжении следующих пяти лет».

Пригубив вино, Джина ответила без малейшего смущения: «Вы быстро работаете... Но преувеличиваете свои возможности, когда говорите, что вам известно все, что я делала на протяжении следующих пяти лет. Вы понятия не имеете о том, что я делала. Продолжайте же, что вы молчите?»

Безразличное лицо Фозерингея ничуть не изменилось. Он сказал – так, словно не слышал ее слова: «Теперь слушай внимательно. Я объясню, что тебя ждет в ближайшее время».

«Говорите, я слушаю», – Джина снова откинулась на спинку стула. «Ловкий трюк! – думала она, – Игнорировать нежелательную ситуацию так, как если бы она не возникала. Конечно, чтобы успешно применять этот трюк, нужно обладать особым темпераментом. У Фозерингея, холодного, как рыба, это хорошо получается».

«Сегодня вечером с нами встретится человек по имени Веббард. Он – старший стюард на Станции Эйберкромби. Мне удалось оказать на него некоторое влияние. Он возьмет тебя с собой на станцию и устроит тебя служанкой в личные апартаменты Эрла Эйберкромби».

Джина наморщила нос: «Служанкой? Почему я не могу прилететь на станцию как богатая туристка?»

«Это выглядело бы несуразно. Такая гостья, как ты, прибыла бы на станцию на „Козероге“ или на „Небесном посохе“. Эрл всех во всем подозревает. Несомненно, он стал бы тебя сторониться. Его мамаша, старуха Клара, внимательно следит за ним и ежедневно внушает ему, что все девушки на станции только о том и думают, как бы пожить его деньгами. Будучи служанкой, ты сможешь встречаться с ним в интимной обстановке. Эрл редко покидает свой кабинет – он полностью поглощен коллекционированием».

«Даже так! – пробормотала Джина. – Что он собирает?»

«Всякую всячину, – губы Фозерингея на мгновение подернулись гримасой, напоминавшей улыбку. – По словам Веббарда, однако, Эрл довольно-таки любвеобилен и уже флиртовал с несколькими девушками на станции».

Рот Джины брезгливо pokrивился. Фозерингей безучастно наблюдал за ней.

«Когда я... начну?»

«Веббард вылетает завтра, на грузовой барже. Ты отправишься вместе с ним».

Прозвучал едва слышный зуммер. Фозерингей нажал кнопку: «Да?»

«Вас хочет видеть господин Веббард, сэр».

Фозерингей направил дрейфующий пузырь вниз, на посадочную площадку.

Там их ждал Веббард – самый толстый человек из всех, каких когда-либо видела Джина.

Табличка на двери гласила: «Ричард Майкрофт, адвокат». Когда-то, давным-давно, Джина слышала краем уха, как кто-то рекомендовал Ричарда Майкрофта как надежного адвоката.

Секретарша – смуглая женщина лет тридцати пяти с бесцеремонным пронзительным взглядом, спросила: «Вам назначили время приема?»

«Нет, – ответила Джина. – Я очень тороплюсь».

Поколебавшись секунду-другую, секретарша наклонилась к микрофону: «Юная особа – мисс Джина Парлье – хотела бы с вами поговорить. Новый клиент».

«Хорошо, пригласите ее».

Секретарша указала кивком на дверь и сухо обронила: «Проходите».

«Я ей не нравлюсь, – подумала Джина. – Потому что я – то, чем она когда-то была и чем хотела бы стать снова».

Майкрофт оказался плечистым человеком с приятным выражением лица. Джина тут же приготовилась к обороне – если ты к кому-то расположена, и он это понимает, он чувствует себя обязанным давать тебе советы и вмешиваться в твои дела. Джина не нуждалась в советах. Она нуждалась в двух миллионах долларов.

«Так-так, мадемуазель! – приветствовал ее Майкрофт. – Чем могу быть полезен?»

Джина подумала: «Он обращается со мной, как с ребенком. Может быть, в его глазах я действительно выгляжу ребенком». Вслух она сказала: «Я хотела бы получить консультацию. Не знаю, сколько вы берете за это с клиентов. Я могла бы заплатить сто долларов. Когда вы решите, что стоимость ваших рекомендаций начинает превышать сто долларов, дайте мне знать – и я уйду».

«За сто долларов можно получить десятки советов, – отозвался Майкрофт. – Болтовня обходится недорого».

«Только не болтовня адвоката!»

Майкрофт перешел к делу: «В чем заключается ваша проблема?»

«Насколько я понимаю, наш разговор останется в тайне?»

«Разумеется», – улыбка Майкрофта застыла, превратившись в гримасу вежливого внимания.

«В том, что я скажу, нет ничего незаконного – в той мере, в какой это касается меня – но я не хотела бы, чтобы вы даже намекали об этом... тем, кого это могло бы заинтересовать».

Майкрофт, сидевший за столом, выпрямился в кресле: «От адвоката ожидается, что он будет хранить в тайне сведения, полученные от клиента».

«Ладно... Что ж, дело обстоит следующим образом...» Она рассказала о Фозерингее, о Станции Эйберкромби и об Эрле Эйберкромби. Она сообщила о том, что Эрл страдает неизлечимым заболеванием. Она не упомянула о мнениях Фозерингея по этому поводу. Она сама старалась об этом не думать. Фозерингей ее нанял. Он разъяснил ее обязанности и уведомил ее о том, что Эрл Эйберкромби болен. И для нее этого было достаточно. Если бы она задавала слишком много вопросов и выяснила вещи, слишком тошнотворные даже для нее, Фозерингей

нашел бы другую, не столь любопытную девушку... Поэтому Джина лишь вскользь упомянула о болезни Эрла. По сути дела, она ничего о ней не знала. И не хотела знать.

Майкрофт внимательно слушал и ничего не говорил.

«Вот что я хотела бы выяснить, – продолжала Джина. – Унаследует ли супруга Эрла его состояние? Я не хотела бы нажить кучу неприятностей бесплатно. В конце концов, Эрлу еще не исполнился двадцать один год. Поэтому я подумала: на всякий случай не помешало бы заранее удостовериться в том, что может произойти после его смерти».

Некоторое время Майкрофт не двигался – он сидел, молча разглядывая посетительницу. Затем он набил трубку.

«Джина! – сказал адвокат. – Позволь дать тебе совет. Бесплатный совет. Без каких-либо условий».

«Не беспокойтесь! – отозвалась Джина. – Мне не нужны благожелательные нравоучения. Я хочу услышать от вас то, за что стоило бы заплатить».

Майкрофт поморщился: «Ты намного умнее, чем может показаться, учитывая твой возраст».

«Мне пришлось поумнеть... Если вам нравится считать меня ребенком, будь по-вашему».

«Зачем тебе миллион долларов? Или – насколько я помню – два миллиона?»

Джина удивленно уставилась на адвоката: неужели он сам не мог ответить на такой вопрос? Или, может быть, на него действительно трудно было ответить? Пытаясь подыскать подходящие слова, она их не нашла.

«Как вам сказать... – Джина вздохнула. – Я хотела бы иметь аэроглизсер, красивые наряды и, может быть...» Перед ее внутренним взором внезапно возникла непривычная картина: ее, Джину, окружали друзья. Приятные люди – такие, как господин Майкрофт.

«Если бы я был психологом, а не адвокатом, – сказал Майкрофт, – я решил бы, что тебе не хватает отца и матери гораздо больше, чем двух миллионов долларов».

Джина страшно разозлилась: «О нет! Мне не нужны родители. Они давно умерли». В той мере, в какой это ее касалось, они умерли – в тот момент, когда мать оставила ее на бильярдном столе Джо Парлье в старой таверне «Ацтек». Джина возмущенно выпалила: «Господин Майкрофт, я понимаю, что вы желаете мне добра, но будьте любезны, объясните мне то, что я хочу знать».

«Объясню, – ответил Майкрофт, – потому что, если я этого не сделаю, это сделает кто-нибудь другой. Имущество семьи Эйберкромби, если не ошибаюсь, подлежит действию гражданского кодекса станции Эйберкромби... Посмотрим...» – повернувшись в кресле, он пробежался пальцами по клавиатуре.

На экране появился указатель Центральной юридической библиотеки. Майкрофт выбрал несколько текстов, задумчиво просмотрел их и нашел искомую информацию: «Наследник приобретает право собственности в шестнадцатилетнем возрасте. Вдова владельца станции наследует как минимум пятьдесят процентов – но, если завещание владельца не содержит особых условий, она наследует все».

«Хорошо! – сказала Джина и вскочила на ноги. – Именно в этом я хотела убедиться».

Майкрофт спросил: «Когда ты вылетаешь?»

«Сегодня, во второй половине дня».

«Думаю, что ты сама прекрасно понимаешь, что ввязалась в безнравственную затею».

«Вы просто душка, господин Майкрофт! Но я лишена всякого представления о нравственности».

Адвокат наклонил голову набок, пожал плечами и выпустил клуб дыма: «Ты в этом уверена?»

«Наверное... да, – Джина задумалась на секунду. – Надо полагать. Вы хотите, чтобы я вдавалась в подробности?»

«Нет. По сути дела, я хотел спросить вот о чем: уверена ли ты в том, что понимаешь, чего хочешь от жизни?»

«Конечно. Я хочу иметь кучу денег».

Майкрофт ухмыльнулся: «Не слишком удачный ответ. Что ты купишь на свои деньги?»

Джину охватила необъяснимая волна раздражения – ей даже стало трудно дышать: «О! Я много чего куплю!» Она повернулась к выходу: «Сколько я вам должна, господин Майкрофт?»

«Ну, скажем... десять долларов. Передай их секретарше».

«Спасибо, господин Майкрофт!» – Джина вышла из кабинета.

Маршируя по коридору, она к своему удивлению обнаружила, что злилась на себя не меньше, чем на адвоката... У него не было никакого права заставлять людей задумываться о своей судьбе! И ее это волновало бы гораздо меньше, если бы она уже не задумывалась о своей судьбе сама.

Но все это сплошная чепуха! Два миллиона долларов на дороге не валяются. Когда она разбогатеет, она заглянет к господину Майкрофту и спросит его: действительно ли он считает, что ради таких денег не стоило позволить себе несколько незначительных прегрешений?

А сегодня – навстречу, на Станцию Эйберкромби! Раздражение Джинны внезапно сменилось радостным возбуждением.

* * *

III

Пилот баржи, доставлявшей грузы на Станцию Эйберкромби, выражался без обиняков: «Нет уж, дорогуша! Со стороны такой юной, располагающей к себе особы, как ты, это непростительная ошибка!»

Коренастый, выдавший виды субъект лет тридцати, пилот не сомневался в своей правоте. Его череп покрывали редкие светлые волосы, глубокие складки вокруг рта придавали его лицу циничный характер. Веббард, старший стюард Станции Эйберкромби, устроился на корме в специально оборудованном отделении. Обычной сетчатой сбруи было недостаточно для защиты его туши от ускорения; стюард погрузился по самый подбородок в резервуар, заполненный эмульсией, удельный вес которой соответствовал удельному весу его тела.

Пассажирской каюты на барже не было, и Джина соскользнула на сиденье рядом с пилотом. На ней были скромное белое платье, белая шляпка без полей и серая с черными полосками блузка.

Пилот не жаловал Станцию Эйберкромби: «Прямо скажу – это просто стыд и позор, везти такую девушку, как ты, к таким, как они... Почему бы им не пользоваться услугами своих сородичей? Так было бы лучше для всех».

«Я не собираюсь оставаться там надолго», – наивно проворковала Джина.

«Это ты сейчас так думаешь. Их пороки заразительны. Через год ты станешь такой, как они. От одного их воздуха, густого и приторного, как оливковое масло, нормальный человек начинает болеть. Я стараюсь как можно реже выходить туда с баржи».

«Как вы думаете, там... безопасно?» – ресницы Джины чуть затрепетали, она дерзко покосилась на пилота.

Облизав губы, тот смущенно поежился и пробормотал: «Ну, бояться там некого, если уж на то пошло... По крайней мере, тех, что провели там уже много времени. Может быть, тебе придется уворачиваться от некоторых, недавно прибывших с Земли... Но после того, как они поживут на станции, их характер меняется. Они плевать хотели на хорошеньких земных девушек».

«Хммф!» – Джина поджала губы. Эрл Эйберкромби родился и вырос на станции.

«Но я говорил не совсем об этом», – заметил пилот. По его мнению, трудно было откровенно выражаться, беседуя с такой юной и неопытной девушкой: «Я имел в виду их среду, в которой тебе легко будет распуститься. Очень скоро ты будешь выглядеть, как они – и больше не захочешь покинуть станцию. Некоторые из них просто ее покинуть, они не выдержали бы земного тяготения, даже если бы захотели». *не могут*

«О! Нет, не думаю. Не в моем случае».

«Это заразно! – яростно настаивал пилот. – Послушай меня, девочка, я знаю. Я доставлял грузы на все станции, видел, кто туда прилетает и кто оттуда улетает. На каждой станции свои причуды, и от них никому не удастся избавиться, – он усмехнулся своим мыслям. – Может быть, поэтому и я порядком рехнулся... Возьми, например, Станцию Мадейра. Расфуфыренные пижоны! – он поиграл пальцами в воздухе. – И это только Мадейра. Ты же ничего об этом не знаешь... Но другие не лучше – Гнездо Балчестера, Приют Мерлина, Звездный Поселок...»

«Но это же просто развлекательные орбитальные курорты?»

Пилоту пришлось неохотно признать, что из двадцати двух курортных спутников не меньше половины были ничем не причудливее пляжей Майами-Бич. «Но другие? О, боже упаси! – он возвел глаза к потолку кабины. – Причем Станция Эйберкромби – хуже всех».

Наступило молчание. Земля превратилась в огромный зеленый, голубой, белый и черный шар над плечом Джины. Внизу, в черном небе, Солнце словно сверлило пылающую дыру. Впереди мерцали звезды – и множество мигающих синих и красных огней.

«Это и есть Станция Эйберкромби?»

«Нет, это Масонский Храм. Эйберкромби живут поодаль... – он скромно поглядывал на нее краем глаза. – Так что – послушай! Только не подумай, что я последний дурак. Впрочем, может быть, так оно и есть. Но если тебе так трудно найти работу – почему бы тебе не вернуться со мной на Землю? У меня просторная лачуга в районе Лонг-Бич – никакой роскоши, конечно, но она на пляже, и там тебе будет гораздо лучше, чем среди этих уродов».

«Нет, спасибо», – рассеянно сказала Джина. Пилот дернул себя за подбородок, прижал локти к телу и набычился.

Прошел час. Сзади слышался какой-то дребезг – отодвинулась небольшая панель, и в кабину заглянула заплывшая жиром физиономия Веббарда. Баржа дрейфовала по инерции, ускорение и сила тяжести уже исчезли: «Сколько еще до станции?»

«Она прямо перед нами. Примерно полчаса, и мы надежно пришьвартуемся». Веббард крикнул и уплыл на корму.

Впереди теперь перемигивались желтые и зеленые огни. «Это Станция Эйберкромби! – объявил пилот и взялся за рычаг. – Держись крепче!» Он потянул рычаг на себя. Из носовых дюз вырвались бледно-голубые тормозные струи.

С кормы слышались глухой стук падения и яростные ругательства. Пилот ухмыльнулся: «Так ему и надо!» Ревущие тормозные двигатели пошумели с минуту и замолкли. «Каждый раз одно и то же. Сейчас он засунет свою рожу в кабину и начнет делать мне выговор».

Панель отодвинулась. Появилось разъяренное лицо Веббарда: «Какого дьявола ты не можешь меня предупредить перед торможением? Я свалился и мог что-нибудь повредить! Какой из тебя пилот, если ты подвергаешь пассажиров такому риску?»

Пилот отозвался притворно-огорченным тоном: «Прошу прощения – пожалуйста, извините. Больше такого не будет».

«Смотри у меня! Если я еще раз грохнусь, я позабочусь о том, чтобы тебя уволили!»

Панель со стуком задвинулась. «Иногда мне удается наставить ему больше синяков, иногда меньше, – заметил пилот. – На этот раз неплохо получилось, он хорошенько трахнулся».

Повернувшись на сиденье, он обнял Джину за плечи и притянул ее к себе: «Пока мы не прибыли, давай-ка поцелуемся».

Джина наклонилась вперед и протянула руку за спину пилота. Пилот видел, как к нему приближалось ее лицо – свежее, чудесное, словно сделанное из оникса, бледно-розовых лепестков и слоновой кости, улыбающееся, пылкое... Рука Джины дотянулась до тормозного рычага. Вырвались четыре реактивные струи. Баржа дернулась. Пилот навалился грудью на пульт управления с выражением комического удивления.

С кормы донесся гулкий звук тяжелого удара. Пилот выпрямился на сиденье и поспешно перевел рычаг в исходное положение. Из ранки на его подбородке сочилась кровь, в невесомости образовавшая нечто вроде пухнувшей багровой шишечки. Сзади снова распахнулась панель. В кабину вдвинулась потемневшая от злобы рожа стюарда.

Когда Веббард перестал, наконец, ругаться и захлопнул панель, пилот взглянул на тихонько сидевшую рядом Джину – уголки ее рта мечтательно приподнялись.

Пилот прорычал: «Если бы мы тут были одни, я бы отшлепал тебя до полусмерти!»

Джина подтянула колени к подбородку, обняла их руками и молча смотрела вперед.

Станцию Эйберкромби строили по типовому проекту «цилиндра Фитча»: силовой блок и подсобные помещения находились в сердцевине, окруженной несколькими кольцевыми палубами и внешней прозрачной оболочкой. В конструкцию первоначальной модели, однако, внесли существенные изменения. Цилиндр окружала наружная палуба из листовой стали, позволявшая швартовать магнитные захваты небольших космических яхт, с магнитными креплениями для грузовых контейнеров, с магнитными площадками и вообще всем, что позволяло удерживать вещи на месте в течение длительного или непродолжительного времени.

Трубы, выступавшие с обоих торцов цилиндра, соединялись с дополнительными пристройками. В одной из них, сферической, находились личные апартаменты семьи Эйберкромби. Вторая, цилиндрическая, вращалась с частотой, достаточной для равномерного распределения по внутренней оболочке слоя воды трехметровой глубины; здесь, таким образом, устроили плавательный бассейн станции – подобная роскошь наблюдалась лишь на трех других курортных спутниках.

Баржа мало-помалу приближалась к палубе и с толчком прикоснулась к ней. Четыре человека в скафандрах присоединили тросы-растяжки к кольцам на корпусе баржи и подтащили баржу к грузовому люку. Баржа осела в предназначенном для нее гнезде и выдвинула опоры с магнитными захватами, после чего со вздохом открылись люки.

Старший стюард Веббард еще кипел от гнева, но теперь не мог давать ему волю – приходилось сохранять приличествующее его положению достоинство. Пренебрегая обувью с магнитными подошвами, он оттолкнулся, подлетел к открытому люку и жестом подозвал Джину: «Возьми пожитки».

Джина схватилась за ручку небольшого саквояжа, рывком подняла его в воздух – и повисла, беспомощно болтая руками и ногами посреди трюма. Веббард нетерпеливо вернулся с магнитными зажимами для ее туфель и помог ей протолкнуть саквояж внутрь станции.

Здесь она дышала другим, пряным воздухом. На барже пахло озоном, смазкой и конопляными мешками, но на станции... Не пытаясь сознательно определить этот аромат, Джина подумала о вафлях со сливочным маслом и кленовым сиропом, смешанных с порошковым тальком.

Веббард плыл у нее перед носом: впечатляющее зрелище! Жир больше не свисал с него складками; он выпячивался равномерно, образуя округлый периметр. Его физиономия, гладкая, как арбуз, казалась скорее сформованной или вырезанной, нежели вылепленной. Стюард сосредоточил взор где-то над головой Джины: «Будет лучше всего, если между нами с самого начала не будет никаких недоразумений, мадемуазель».

«Да, разумеется, господин Веббард».

«Я взял вас на работу, чтобы сделать одолжение своему приятелю, господину Фозерингею. Этим поступком, однако, целиком и полностью ограничивается моя ответственность. Не рассматривайте меня как своего спонсора. Господин Фозерингей сопровождал вас прекрасными рекомендациями – так что постарайтесь его не подвести. Вашей непосредственной руководительницей будет госпожа Блэйскелл, вы должны неукоснительно выполнять ее указания. На Станции Эйберкромби действуют строгие правила; здесь с прислугой обращаются справедливо, ей хорошо платят – но вы должны оправдывать свой заработок. Результаты вашей работы будут говорить сами за себя, и ни от кого не ожидайте поблажек, – Веббард прокашлялся. – В самом деле, можно сказать, что вам повезло. Как правило, мы нанимаем людей нашего типа, это позволяет им не слишком выделяться на общем фоне».

Джина слушала его, скромно опустив голову. Веббард продолжал говорить – последовали всевозможные предупреждения, наставления и запреты.

Джина послушно кивала. Незачем было восстанавливать против себя напыщенного пожилого стюарда. И Веббард решил, что перед ним – хорошо воспитанная молодая особа, слишком юная и слишком тощая, конечно, причем с каким-то странным лихорадочным блеском в глазах, но достаточно впечатленная его, Веббарда, значением и влиянием... Цвет ее кожи его тоже устраивал. Приятные черты лица. Если бы только она нарастила еще килограммов сто плоти, она могла бы даже показаться привлекательной в том, что касалось его низменных инстинктов.

«Ладно, следуйте за мной», – сказал Веббард.

Он поплыл вперед и, благодаря какой-то врожденной величественности, продолжал производить впечатление непоколебимого достоинства даже тогда, когда летел головой вперед по коридору.

Джина передвигалась гораздо скромнее, переступая по полу магнитными скобами подошв и легко подталкивая перед собой саквояж, как если бы это был бумажный мешок.

Они добрались до сердцевины цилиндрической станции, и Веббард, оглянувшись через пухлое плечо, повернул и поплыл вдоль освещенной шахты.

Прозрачные панели в стене центральной шахты позволяли видеть различные залы, гостиные, трапезные, салоны. Джина задержалась у панели помещения, украшенного красными бархатными портьерами и мраморными статуями. В первый момент открывшаяся сцена поразила ее, но затем скорее позабавила.

Веббард нетерпеливо окликнул ее: «Шевелитесь, мадемуазель, время не ждет!»

Джина оттолкнулась от стены: «Я смотрела на ваших гостей. Они выглядят, как...» Она не сдержалась и хихикнула.

Веббард нахмурился и поджал губы. Джина подумала, что стюард сейчас потребует, чтобы она объяснила причину своего веселья, но, по-видимому, он считал обсуждение таких вещей ниже своего достоинства. Он снова позвал ее: «Поспешите! Я могу уделить вам только несколько минут».

Джина бросила последний взгляд на красный бархатный зал – и теперь откровенно расхохоталась.

Жирные женщины, надутые, как рыбы-пузыри! Жирные женщины, круглые и нежные, как спелые персики. Жирные женщины, чудесно беззаботные и подвижные в отсутствие силы тяжести. Судя по всему, в бархатном зале устроили музыкальный вечер. Помещение было буквально забито снующими шарами розовой плоти, наряженными в белые, бледно-голубые и желтые панталоны и блузы.

Мода, преобладавшая на Станции Эйберкромби, по-видимому призвана была подчеркивать округлость тел. Широкие плоские ремни, подобные перевязям парадных военных униформ, оттесняли груди в стороны, под предплечья. Гладкие, прижатые к голове волосы, с пробором посередине, были зачесаны назад и образовывали небольшой валик под затылком. Плоть! Раздувшиеся, гладкие, блестящие пузыри нежной плоти! Мелкие подергивающиеся части тела – танцующие в воздухе пальцы рук и ног, веки и губы – были вызывающе раскрашены. На Земле любой из этих женщин пришлось бы погрузить свою неподвижно обвисшую, потеющую тушу в обширное кресло. На Станции Эйберкромби – недаром прозванной «выставкой ожирения» – они двигались с легкостью одуванчиковых пушинок, а их лица и тела оставались гладкими, как сливочное масло.

«Скорее, скорее! – рявкнул Веббард. – На Станции Эйберкромби нет места праздным зевакам!»

Джина удержалась от того, чтобы швырнуть саквояж по центральной шахте прямо в ягодицы стюарда, служившие заманчивой мишенью. Тот ждал ее в конце коридора.

«Господин Веббард! Сколько весит Эрл Эйберкромби?» – задумчиво спросила она.

Веббард откинул голову и укоризненно взглянул на нее сверху вниз: «Интересоваться такими подробностями личной жизни, мадемуазель, у нас не принято».

«Я всего лишь хотела узнать, отличается ли он такой же... ну, скажем, внушительной внешностью, как вы», – сказала Джина.

Веббард фыркнул: «Не могу ответить на ваш вопрос. Господин Эйберкромби – исключительно важная персона. Вам предстоит с ним познакомиться, но обсуждать его внешность... не подобает, так не делается».

«Благодарю вас, господин Веббард», – кротко ответила Джина.

«Вы скоро приспособитесь, – пообещал стюард. – Из вас еще выйдет добропорядочная служанка. А теперь – дальше по трубе! Я приведу вас к госпоже Блэйскелл».

У госпожи Блэйскелл, низенькой и кругленькой, как кумкват, были серые волосы со стальным отливом, плотно прилизанные по последней моде и уложенные валиком под затылком. На ней был черный комбинезон в обтяжку – как впоследствии узнала Джина, униформа прислуги на Станции Эйберкромби.

Джина подозревала, что произвела неблагоприятное впечатление на госпожу Блэйскелл. Серые глаза начальницы обыскивали ее пристальным взглядом с головы до ног; Джина проходила осмотр, скромно потупив голову.

Веббард объяснил, что Джину следовало обучить выполнению обязанностей горничной, и предположил, что госпожа Блэйскелл могла бы использовать ее в Плезонсе и в спальнях.

Госпожа Блэйскелл кивнула: «Удачная мысль. Как известно, юный владелец станции – со странностями, но в последнее время он приставал к девушкам и мешал им выполнять поручения. Полезно было бы приставить к нему такую, как она – не обижайтесь, мадемуазель, вы не виноваты в том, что с вами сделала сила тяжести – такая горничная ему вряд ли приглянется».

Веббард подал знак госпоже Блэйскелл – они отплыли в сторону и некоторое время беседовали полупшепотом.

Уголки широкого рта Джина дрожали. Перезрелые болваны!

Прошло пять минут; Джина начинала беспокоиться. Почему они ничего не делают? Почему ее еще не привели куда-нибудь? Приходилось подавить нетерпение. Жизнь! Как хороша жизнь, как полна ярких впечатлений! «Останусь ли я такой же, когда мне будет двадцать лет? Тридцать, сорок?» – спрашивала себя Джина. Уголки ее рта чуть растянулись. «Конечно, останусь. Никогда не позволю себе измениться... Но жизнь нужно пользоваться в полной мере. Нужно выжимать и пробовать каждую каплю пыла и волнения». Джина ухмыльнулась. Она плавала в воздухе, дыша перенасыщенным ароматами воздухом Станции Эйберкромби. В каком-то смысле это само по себе было приключением. Хорошо оплачиваемым приключением – ей обещали два миллиона долларов всего лишь за соблазнение восемнадцатилетнего подростка. Соблазнить его, выйти за него замуж – какая разница? Конечно, речь шла об Эрле Эйберкромби и, если он был таким же «внушительным», как стюард Веббард... Джина скептически рассмотрела огромную тушу Веббарда. Что ж, два миллиона на дороге не валяются. Если дела пойдут слишком плохо, цена может вырасти. Возможно, до десяти миллионов. По сравнению с миллиардом это все равно пустяки.

Веббард удалился, не сказав больше ни слова – покачиваясь из стороны в сторону, его невесомо громоздкая туша улетела по центральному туннелю станции.

«Пойдемте! – сказала госпожа Блэйскелл. – Я покажу вам вашу комнату. Сегодня вы можете отдохнуть, а завтра я познакомлю вас с вашими обязанностями».

* * *

IV

Госпожа Блэйскелл стояла рядом с откровенно критическим выражением лица, пока Джина натягивала черный комбинезон: «Бог ты мой! Не надо так стягивать талию! Вы и так уже выглядите, как рахитичная жертва голодовки, бедное дитя! Нет необходимости подчеркивать это обстоятельство! Может быть, мы найдем какие-нибудь надувные подушки, чтобы придать вам полноту. Это не так уж важно, конечно, потому что вы будете в основном заниматься уборкой – тем не менее, общее представление о прислуге всегда улучшается, если она состоит из привлекательных женщин, а молодой Эрл – несмотря на все его странности, хотя бы это можно сказать в его пользу – любит привлекательных женщин... Ну, а теперь нужно что-то сделать с вашей грудью – она же у вас почти плоская! Сами видите, вам практически нечего засунуть под мышки! – она указала для сравнения на свои собственные объемистые жировые выпуклости. – Что, если мы подвяжем хотя бы какие-нибудь подушечки...»

«Нет!» – содрогаясь от отвращения, отказалась Джина. Неужели они действительно считали ее настолько уродливой? «Я не хочу носить подушки».

Госпожа Блэйскелл фыркнула: «Они только пошли бы вам на пользу, дорогуша. Ведь это не я исхудала до костей».

Джина нагнулась, поправляя черные тапочки: «Нет, у вас очень обтекаемый вид».

Госпожа Блэйскелл горделиво кивнула: «Я стараюсь содержать себя в теле и поэтому чувствую себя превосходно. Уверяю вас, мадемуазель, все было по-другому, когда я была в вашем возрасте – ведь я тогда жила на Земле...»

«О! Вы не родились на станции?»

«Нет, мадемуазель. Я была одной из бедняжек, измученных и отягощенных силой тяжести, и мне приходилось тратить калории просто для того, чтобы двигаться. Нет, я родилась в Сиднее, в Австралии, в порядочной семье добрых людей, но они не могли позволить себе такую роскошь, как место на Станции Эйберкромби. Мне повезло – меня устроили здесь на работу, так же, как вас. Тогда были еще живы господин Юстус и его старая мать, госпожа Эва – бабушка Эрла, как вы понимаете. И с тех пор я ни разу не побывала на Земле. И никогда больше шагу не сделаю на Земле!»

«Разве вам не хочется снова увидеть праздничные фестивали, высокие здания, радующую глаз сельскую местность?»

«Ба! – госпожа Блэйскелл сделала вид, что сплюнула. – Почему бы мне хотелось покрыться складками и морщинами? И ездить в инвалидной коляске, чтобы родственники и знакомые показывали на меня пальцем и насмеялись? Тощие, как палки, они вечно беспокоятся о том, как бы не упасть, вся их жизнь посвящена борьбе с притяжением почвы! Нет уж, мадемуазель, у нас тут достаточно великолепных видов и празднеств. Например, завтра вечером будут танцевать павану, а чуть позже – не пройдет и месяц – состоится Большой Маскарад с пантомимой и Шествие Красавиц! Причем мне, конечно, лучше оставаться среди таких, как я, округлых людей, без единой морщинки на лице. Теперь я пополнела, как следует, и выгляжу прилично, так что ни за что не поменяюсь местами с заморышами там, внизу».

Джина пожала плечами: «Вы здесь счастливы – а это важнее всего». Она с удовлетворением смотрела на себя в зеркало. Даже если толстуха Блэйскелл придерживалась другого мнения, Джина выглядела неплохо в черном комбинезоне – после того, как подогнала его в обтяжку вокруг бедер и талии. Она прекрасно знала, что ее ноги – стройные, изящные, словно выточенные из глянцевой слоновой кости – производили должное впечатление. Даже если старый чудака Веббард и расплывшаяся во все стороны госпожа Блэйскелл так не считали. Посмотрим, что скажет по этому поводу недоросль Эрл. Как заметил Фозерингей, ему нравились земные девушки. И все же... Веббард и госпожа Блэйскелл намекнули, что это могло быть

не так. Может быть, ему нравились и стройные, и жирные женщины?... Джина улыбнулась – слегка дрожащей улыбкой. Если Эрлу нравились девушки, выросшие на станции, значит, ему нравилось почти все, что угодно – лишь бы оно было теплым, двигалось и дышало. А Джина, несомненно, относилась к такой категории существ.

Если бы Джина прямо спросила об этом госпожу Блэйскелл, та была бы шокирована и раздражена. Старая добрая, приличная и благопристойная госпожа Блэйскелл! В ней было что-то материнское и заботливое – в отличие от матрон в различных приютах и детских домах, где Джине пришлось побывать. Дюжие, дебелие женщины, воспитательницы умели и любили давать волю рукам... Но госпожа Блэйскелл была не такая, она никогда не оставила бы младенца на бильярдном столе. Госпожа Блэйскелл сделала бы все возможное и даже голодала бы, чтобы кормить и воспитывать свое дитя как положено... Джина предалась бесцельной фантазии, пытаясь представить себе, какой была бы ее жизнь, если бы ее матерью была госпожа Блэйскелл. А ее отцом – господин Майкрофт... От этой мысли у нее мурашки побежали по спине – каким-то образом из глубины ее души вырвалась глухая, темная ненависть с примесью гневного возмущения.

Джина неловко повела плечами. «Пора забыть обо всей этой чепухе! – говорила она себе. – Ты одна и всегда полагалась только на себя. Чего бы ты хотела от родственников? Зачем они тебе? Бессмыслица, бред!» Если бы она выросла в порядочной семье, на ее долю никогда не выпало бы такое приключение, она никогда не прилетела бы на Станцию Эйберкромби... С другой стороны, родственники несомненно помогли бы ей потратить два миллиона долларов.

Джина вздохнула. Ее мать не была доброй и порядочной женщиной, такой, как госпожа Блэйскелл. Она не могла быть такой – в связи с чем вся эта проблема носила чисто абстрактный характер. Пора было забыть о ней, выкинуть все это из головы.

Госпожа Блэйскелл принесла повседневную обувь, которую, по меньшей мере время от времени, носили все обитатели станции: тапочки с магнитными обмотками в подошвах. Обмотки соединялись выводами с аккумулятором в поясе. Реостат позволял регулировать силу магнитного поля.

«Работающему человеку нужно устойчиво держаться на ногах, – пояснила госпожа Блэйскелл. – Работы, конечно, не так уж много – особенно после того, как к ней привыкаешь. Уборка – несложное дело, на станции установлены высокоэффективные воздушные фильтры. Тем не менее, иногда попадаете налет пыли – или из воздуха оседает едва заметная маслянистая пленка».

Джина выпрямилась, расправила плечи: «Хорошо, госпожа Би, я готова. С чего начнем?»

Госпожа Блэйскелл подняла брови, удивленная фамильярным обращением, но на самом деле не обиделась. В целом, новая горничная вела себя достаточно уважительно, проявляла готовность к послушанию и была достаточно сообразительна. И – что немаловажно – не столь привлекательна, чтобы лишний раз беспокоить господина Эрла.

Оттолкнувшись от стены большим пальцем ноги, она пролетела по коридору, остановилась у белой двери и отодвинула панель.

Они проникли в комнату так, будто спустились в нее с потолка. Падая головой вниз к тому, что выглядело, как пол, Джина на мгновение почувствовала приступ головокружения.

Госпожа Блэйскелл ловко схватилась за стул, развернула тело в воздухе и опустила ноги на то, что считалось полом. Джина присоединилась к ней. Они стояли в большом круглом помещении, очевидно представлявшем собой отсек сферической пристройки. Широкие окна открывались в космос – со всех сторон мерцали звезды, одним движением глаз можно было охватить все созвездия Зодиака.

Солнечный свет проникал снизу и озарял потолок, а сбоку, в одном из квадрантов, висела Луна, выпуклая и четкая, как новенькая монета. На вкус Джина, обстановка была слишком роскошной. Бросались в глаза совершенно излишний ковер горчично-шафранового оттенка,

белые настенные панели с золотыми арабесками, закрепленный зажимами на полу круглый стол и окружившие его стулья с магнитными роликами на ножках. С потолка торчала хрустальная люстра; вдоль карниза между стеной и потолком выглядывали рассредоточенные через равные промежутки пухлые херувимы.

«Это Плезонс, – объявила госпожа Блэйскелл. – Здесь вы будете убирать в первую очередь, каждое утро». Она подробно разъяснила обязанности Джины.

«Дальше мы направимся в... – начальница прервалась и подтолкнула Джину локтем. – Старуха Клара, мать Эрла! Опустит голову – так же, как я».

В комнату заплывала женщина в лилово-розовом наряде. У нее на лице застыло выражение рассеянной заносчивости – как если бы ничто во Вселенной не вызывало у нее никаких сомнений, неуверенности или предварительных размышлений. Она была почти идеально шарообразна – как говорится, «сама себя шире». У нее были серебристые седые волосы, а ее лицо – гладкое вздутие плоти – покрывали пятнышки красной помады, по-видимому беспорядочно нанесенные. Огромную грудь старухи перевязывала пропущенная под мышками лента, усыпанная драгоценными камнями.

Госпожа Блэйскелл подобострастно поклонилась: «Уважаемая госпожа Клара, позвольте представить вам новую горничную – она только что прилетела с Земли и очень пригодится в хозяйстве».

Клара Эйберкромби мельком взглянула на Джину: «Исхудавшее существо».

«О, она пополнеет! – проворковала госпожа Блэйскелл. – Обильное, здоровое питание и прилежная работа творят чудеса – в конце концов, она всего лишь ребенок».

«Ммфф. Вряд ли. Это в крови, Блэйскелл, вы же знаете».

«Да-да, конечно, госпожа Клара».

Клара продолжала резким дребезжащим голосом, поглядывая по сторонам: «В жилах течет либо добротная кровь, либо уксус – это передается по наследству. Эта девочка никогда не сможет хорошо приноровиться к жизни на станции, я ее вижу насквозь. У нее нет этого в крови».

«Конечно, мадам, вы совершенно правы».

«У Эрла в крови тоже этого нет. Вот что меня беспокоит. Хьюго унаследовал роскошные гены, но его брат Лионель, бедняга Лионель...»

«Что случилось с Лионелем?» – хрипло спросил кто-то за спиной. Джина поспешно обернулась. Рядом стоял Эрл: «Кто-нибудь что-нибудь слышал о Лионеле?»

«Нет-нет, дорогой мой. Он улетел – и никогда не вернется. Я просто-напросто заметила, что ни один из вас так и не сумел достаточно располнеть: кожа да кости».

Эрл нахмурился, не глядя ни на мать, ни на госпожу Блэйскелл – его взор сосредоточился на Джине: «Это еще что? Опять новая служанка? Нам она не нужна. Бесконечные лишние расходы. Отослите ее назад, на Землю».

«Это горничная, она будет убирать в твоих комнатах, дорогой», – возразила Клара.

«А где Джесси? Что случилось с Джесси?»

Госпожа Клара и госпожа Блэйскелл обменялись понимающими взглядами. Джина медленно, высокомерно смерила Эрла глазами. Тот моргнул и снова нахмурился. Джина опустила глаза и стала что-то чертить на ковре носком туфельки – она знала, что такие движения неизменно привлекали внимание к ее ногам. Вопреки ее опасениям, заработать два миллиона долларов было не так уж трудно. Потому что Эрл – приземистый, крепко сложенный юноша с бычьими плечами и бычьей шеей – не был толстяком. Его густые светлые кудри были коротко подстрижены, его румяная физиономия легко краснела, у него были большой блестящий, словно навощенный нос и массивная, выпяченная нижняя челюсть. Рот у него был нормальный, хотя в данный момент его уголки угрюмо опустились.

«Его нельзя назвать привлекательным», – подумала Джина. На Земле она не обратила бы внимания на такого юнца или – если бы он приставал – отпугнула бы его лавиной оскорблений. Но здесь она ожидала гораздо худшего: раздувшегося пузыря вроде Веббарда, воздушного шара в человеческом обличье... Конечно, на самом деле не было никаких причин, по которым Эрл должен был разжиреть: дети толстяков нередко становятся людьми нормального телосложения.

Госпожа Клара давала госпоже Блэйскелл указания, относившиеся к распорядку дня; госпожа Блэйскелл кивала в точности после каждого шестого слова и загибала короткие толстые пальчики, подсчитывая инструкции.

Клара закончила; госпожа Блэйскелл кивком подозвала Джину: «Пойдемте, мадемуазель, пора приниматься за работу».

Прежде, чем они успели удалиться, Эрл напомнил: «Не забывайте: никому нельзя заходить ко мне в кабинет!»

Джина полюбопытствовала: «Почему он не хочет, чтобы заходили к нему в кабинет?»

«Там он хранит свои коллекции. А его экспонаты нельзя передвигать, к ним даже прийтись нельзя. Иногда Эрл ведет себя очень странно. Не слишком к нему придирайтесь, и он будет вести себя хорошо. В некоторых отношениях ему труднее угодить, чем госпоже Кларе».

«Эрл родился на станции?»

Госпожа Блэйскелл кивнула: «Он никогда не был на Земле. Говорит, что там все сумасшедшие, и – кто знает? – может быть, он наполовину прав».

«А кто такие Хьюго и Лионель?»

«Два старших брата. Хьюго скончался, мир праху его, а Лионель вечно где-то странствует. У Эрла еще два младших брата, Харпер и Дофин, и две сестры – Миллисента и Кларисса. Все они походят на госпожу Клару, надменные и тучные. Только Эрл уродился худощавым, но при этом ему повезло – потому что, когда Хьюго умер, Лионель где-то шлялся, и Эрл унаследовал состояние... Кстати, вот его апартаменты – какой тут беспорядок!»

По мере того, как они занимались уборкой, госпожа Блэйскелл высказывала замечания по поводу различных предметов обстановки: «Возьмите эту кровать, например! Эрл не желает спать в привязной сбруе, как все остальные – о нет! Он надевает пижаму из намагниченной ткани, и она прижимает его к мягкому матрасу так, как если бы он спал на Земле... И все эти книги, все эти исследования! Чего только он не придумает, бог ты мой! А его телескоп? Он часами сидит под куполом и разглядывает Землю».

«Может быть, он хотел бы все-таки побывать на Земле?»

Госпожа Блэйскелл кивнула: «Меня бы несколько не удивило, если бы это было так. Земля его завораживает. Но он не может покинуть станцию, вы же понимаете».

«Странно! Почему нет?»

Госпожа Блэйскелл ответила многозначительным взглядом: «Потому что в таком случае он автоматически откажется от наследства – это предусмотрено уставом станции. Владелец должен постоянно находиться в помещениях станции, – она указала на серую дверь. – Это вход в его кабинет. Я позволю вам мельком заглянуть туда, чтобы вас не разбирало любопытство и чтобы у вас не было потом неприятностей, когда меня не будет рядом и я не смогу за вами следить... Не пугайтесь того, что увидите – там нет ничего на самом деле опасного».

С видом жрицы, снимающей покрывало с таинственной реликвии, госпожа Блэйскелл повозилась немного, открывая дверной замок – так, чтобы Джина не могла наблюдать за ее манипуляциями.

Дверь отодвинулась. Госпожа Блэйскелл усмехнулась – Джина подпрыгнула от испуга.

«Нет-нет, ничего страшного, успокойтесь! Я же сказала – здесь нет ничего опасного. Это всего лишь один из зоологических экспонатов господина Эрла – большая редкость. Он затратил много времени и денег, чтобы его добыть...»

Джина глубоко вздохнула и рассмотрела поближе рогатое черное чудище, стоявшее на двух ногах сразу за дверью, чуть наклонившееся и присевшее так, будто оно готовилось прыгнуть на непрошеного посетителя и схватить его кожистыми черными лапами.

«Это самая страшная образина, – с тихим удовлетворением заметила госпожа Блэйскелл. – Еще тут у него всякие насекомые и пауки, – она показывала пальцем. – Драгоценные камни здесь, а тут – диски со старыми музыкальными записями. Его коллекция почтовых марок – там, а книги – на полках в том шкафу. Отвратительные книжки, стыдно ему хранить такую мерзость! Не давайте ему знать, что вы заглядывали в его гадкие книжонки, он над ними слюни пускает».

«Конечно нет, госпожа Блэйскелл, – послушно ответила Джина. – Я не интересуюсь такими вещами. Если это то, о чем я думаю».

Госпожа Блэйскелл энергично кивнула: «Это именно то, о чем вы думаете, и еще хуже!» Она не стала распространяться о причинах ее знакомства с содержимым библиотеки владельца станции, а Джина решила, что ей не подобало выяснять эти причины.

У них за спиной возник Эрл Эйберкромби. «И что же? – спросил он язвительным, напряженным тоном. – Насмотрелись?» С силой оттолкнувшись пяткой от стены, он пролетел по спальне и захлопнул дверь, ведущую в кабинет.

Госпожа Блэйскелл примирительно произнесла: «Ну что вы, господин Эрл! Я просто показывала новой горничной, куда ей не следует заходить и на что ей не следует смотреть – причем я не хотела, чтобы она упала в обморок или чтобы у нее случился сердечный приступ, если бы она сама заглянула внутрь, движимая невинным любопытством».

Эрл крикнул: «Если она заглянет в кабинет, когда я буду внутри, с ней случится нечто похуже сердечного приступа».

«А еще я умею хорошо готовить», – вне всякой связи с происходящим заявила Джина. Отвернувшись, она позвала начальницу: «Пойдемте, госпожа Блэйскелл, не будем раздражать господина Эрла, пусть успокоится. Я больше не позволю ему вас обижать».

Запинаясь, госпожа Блэйскелл выдавила: «Но послушайте! Ничего особенного, я...» Она замолчала. Эрл удалился в кабинет и захлопнул за собой дверь.

На глаза госпожи Блэйскелл навернулись слезы: «Ах, дорогая, я так не люблю, когда меня ругают!»

Они продолжали работать в молчании и закончили уборку спальни. Выходя, госпожа Блэйскелл доверительно пробормотала на ухо Джине: «Как вы думаете, почему Эрл такой ворчливый и раздражительный?»

«Понятия не имею, – выдохнула Джина. – Ни малейшего».

«Видите ли, – осторожно продолжала госпожа Блэйскелл, – дело тут, главным образом, в его внешности. Он хорошо понимает, что худоба не позволяет ему походить на других, и это понимание сдает его изнутри. Он не выносит внимания, не хочет, чтобы за ним наблюдали – ему кажется, что над ним смеются. Я слышала, как он говорил об этом госпоже Кларе. Конечно, никто над ним не насмехается, его просто жалеют. Он ест, как бык, и принимает пилюли, стимулирующие железы, но все равно остается худосочным, со всеми этими выступающими мышцами, натянутыми, как веревки». Она смерила Джину задумчивым взглядом: «Надо будет прописать вам такие пилюли – посмотрим, может быть нам удастся сделать вас более привлекательной, – с сомнением покачав головой, однако, она прищелкнула языком. – Может быть, это просто у вас не в крови, как выражается госпожа Клара. Никак нельзя сказать, чтобы это было у вас в крови...»

V

На туфлях Джины красовались маленькие бантики из красных ленточек, красная лента украшала ее волосы, а на щеке у нее кокетливо выделялась черная мушка. Она подтянула комбинезон так, чтобы он ненавязчиво обтягивал талию и бедра.

Перед тем, как покинуть комнату, она рассмотрела себя в зеркале: «Может быть, я чего-то не понимаю? Как бы я выглядела, если бы прибавила килограммов сто? Нет. Лучше не надо. Я – типичная уличная девчонка. К шестидесяти годам я буду выглядеть, как россомаха – но еще сорок лет на меня будут оглядываться».

Она пролетела по коридору мимо Плезонса, музыкальных залов, гостиной для торжественных приемов и трапезной дальше, к анфиладе спален. Остановившись у двери апартаментов Эрла, она распахнула ее и проплыла внутрь, толкая перед собой электростатический пылесос.

В спальне было темно: под воздействием затемняющего поля прозрачные стены из транспара становились матовыми.

Джина нащупала на стене дисковый регулятор и включила свет.

Эрл не спал. Он лежал на боку, желтая магнитная пижама прижимала его к матрасу. Бледно-голубое стеганое одеяло закрывало его до плеч, а лицо он прикрыл рукой. В тени, из-под руки, на Джину смотрели яростно горящие глаза.

Эрл не двигался – он оцепенел от возмущения.

Джина подбоченилась и произнесла звонким голосом нахальной девчонки: «Вставай, ленивец! Если будешь без конца валяться, разжиреешь, как все остальные...»

Наступила напряженная, угрожающая тишина. Джина подошла, наклонилась и заглянула под ладонь Эрла: «Ты живой?»

Не двигаясь, Эрл выдавил хриплым, низким баритоном: «Чем, по-твоему, ты занимаешься?»

«Выполняю обязанности. Закончила уборку в Плезонсе. Теперь очередь твоей спальни».

Эрл взглянул на настенные часы: «В семь утра?»

«Почему нет? Чем скорее я управлюсь, тем скорее смогу заняться своими делами».

«К чертовой матери твои дела! Убирайся, пока не получила по башке!»

«Никуда я не пойду, сэр. Я – в высшей степени решительная особа. Когда я заканчиваю работу, для меня нет ничего важнее свободного самовыражения».

«Пошла вон!»

«Я – артистка и художница. Может быть, в этом году стану поэтессой. Или танцовщицей. Из меня получится чудесная балерина. Смотри!» Она попробовала сделать пируэт, но при этом по инерции поднялась к потолку – достаточно изящно, об этом она позаботилась.

Оттолкнувшись от потолка, она снова встала у кровати: «Если бы на мне были магнитные туфли, я могла бы так вертеться полтора часа кряду. Гран-жетé еще проще...»

Эрл приподнялся на локте, набычившись и часто моргая – так, будто собрался вот-вот на нее наброситься: «Либо ты сошла с ума, либо обнаглела настолько, что ведешь себя, как сумасшедшая!»

«Ни в коем случае! – отрезала Джина. – Я веду себя исключительно вежливо. На этот счет могут существовать различные мнения, но это еще не значит, что ты обязательно прав».

Эрл снова откинулся на подушку. «Спорить тебе придется со старым Веббардом, а не со мной, – промычал он. – А теперь – последний раз говорю – пошла вон!»

«Я уйду, – сказала Джина, – но ты об этом пожалеешь».

«Пожалею? – голос Эрла повысился на октаву. – Почему бы я об этом пожалел?»

«Ну, предположим, я обижусь и скажу господину Веббарду, что хочу уволиться?»

Эрл процедил сквозь зубы: «Сегодня поговорю с Веббардом – может быть, тебя уволят... Чудеса в решете! – с горечью сказал он самому себе. – Страхолюдные горничные вламываются ни свет ни заря!»

Джина изумленно уставилась на него: «Страхолюдная? Это ты про меня? На Земле меня считают очень привлекательной девушкой. И мне всегда прощают, если я причиняю кому-то беспокойство – так, как сейчас – потому что я хорошенькая».

«Теперь ты на Станции Эйберкромби, – сухо отозвался Эрл. – Здесь, слава богу, другие порядки».

«А ты и сам неплохо выглядишь», – осторожно заметила Джина.

Эрл сел на кровати, его лицо налилось кровью от гнева. «Убирайся! – заорал он. – Ты уволена!»

«Пшш! – пожала плечами Джина. – Ты не посмеешь меня уволить».

«Я? Не посмею? – угрожающе спросил Эрл. – Почему бы я не посмел?»

«Потому что я умнее тебя».

Эрл гортанно хмыкнул: «Почему ты так думаешь?»

Джина рассмеялась: «Ты был бы приятным собеседником, Эрл, если бы не был таким недотрогой».

«Хорошо, сначала обсудим этот вопрос. Почему ты считаешь, что я – недотрога?»

Джина пожала плечами: «Я заметила, что ты неплохо выглядишь, и у тебя сразу перегорел предохранитель». Она сдула с ладони воображаемую пушинку: «На мой взгляд, только недотроги обижаются на такие замечания».

Эрл мрачно улыбнулся – в этот момент он напоминал выражением лица Фозерингея. Если на него надавить слишком сильно, Эрл мог взорваться. Но в этом отношении он был далеко не так опасен, как Ансель Клееллан, например. Или как Фьоренцо. Или как Весельчак Макклор. Или как Фозерингей. Или как она сама, в конце концов.

Эрл неотрывно смотрел на нее – так, словно видел ее впервые. Именно этого она хотела.

«Так почему ты думаешь, что ты умнее меня?»

«О! Кто знает... Разве ты умный?»

Глаза Эрла метнулись в сторону двери, ведущей в кабинет; на мгновение по его лицу пробежала волна удовлетворения: «Да, я умный».

«Умеешь играть в шахматы?»

«Конечно, я умею играть в шахматы! – воинственно отозвался он. – Я – один из лучших ныне живущих шахматистов!»

«А я тебя одной рукой обыграю!» – заявила Джина. За всю жизнь она играла в шахматы четыре раза.

«Хотел бы я, чтобы у тебя было что-нибудь, чего я хочу, – медленно произнес Эрл. – Я бы у тебя это отобрал».

Джина смерила его высокомерным взглядом: «Давай сыграем! Если проиграешь, отдашь мне то, чего хочу я».

«Нет!»

«Ха!» – Джина смеялась, ее глаза сверкали.

Эрл покраснел: «Ладно, давай сыграем».

Джина взялась за рукоять пылесоса: «Только не сейчас». Она уже добила большего, чем ожидала. Демонстративно оглянувшись, она прибавила: «Мне пора работать. Если госпожа Блэйскелл увидит, что я здесь, она обвинит тебя в попытке меня соблазнить».

Губы Эрла pokrивились, он хрюкнул.

«Он выглядит, как злобный русский кабанчик, – подумала Джина. – Но два миллиона долларов на дороге не валяются. И было бы еще хуже, если бы он был жирным кабанчиком». Она

уже успела внушить ему желательную мысль. «Так что подумай о том, что ты хотел бы выиграть, – сказала Джина. – А мне пора работать».

Она удалилась из спальни, бросив на него последний взгляд через плечо – Джина надеялась, что этот взгляд покажется загадочным.

Помещения для прислуги находились в основной, цилиндрической части Станции Эйберкромби. Джина тихонько сидела в углу столовой, наблюдая и слушая, пока прочие техники и горничные поглощали легкий завтрак: какао, щедро приправленное взбитыми сливками, пирожные и печенье, мороженое. Они обменивались раздраженными обрывистыми фразами, часто повышая голос. «Грош цена поверью о том, что толстяки благодущны и беззаботны», – думала Джина.

Краем глаза она заметила господина Веббарда, проплывшего в столовую; лицо его напряглось и посерело от гнева.

Наклонив голову над колбой какао, Джина следила за стюардом из-под опущенных ресниц.

Веббард взглянул прямо на нее и поджал губы, его выпученные щеки тряслись. На какое-то мгновение казалось, что он устремится к ней, привлеченный силой раздражения как такового – на каком-то образом он умудрился сдержаться. Стюард обвел взглядом столовую и заметил госпожу Блэйскелл. Ловко оттолкнувшись пальцами, он направился туда, где она завтракала за столом в конце помещения, закрепившись на сиденье, как положено, магнитами, пристегнутыми к комбинезону.

Нагнувшись над ней, Веббард стал что-то бормотать ей на ухо. Джина не могла расслышать его слова, но заметила, как изменилось выражение лица госпожи Блэйскелл, как ее глаза стали искать Джину по всей столовой.

Господин Веббард закончил драматическое повествование и явно почувствовал себя лучше. Он вытер вспотевшие ладони, используя с этой целью обширную поверхность темно-синих вельветовых штанов, и, быстро оттолкнувшись большим пальцем ноги, поплыл к выходной двери.

«Потрясающе!» – думала Джина. Ее гипнотизировало тяжеловесное величие планетарного перемещения туши Веббарда по воздуху, ее завораживали заплывшее жиром, самодовольное лунообразное лицо с полузакрытыми тяжелыми веками – розовощекое, без единой царапинки, родинки или морщинки, глянцево-маслянистое, с несколькими округлыми, надувшимися подобно опухолям подбородками – полусфера его груди – раздвоенная громада его нижней половины, облаченная роскошным темно-синим вельветом – все это чудо, проплывавшее мимо с неумолимой кинетической энергией баржи, везущей гору железной руды...

Джина заметила наконец, что господина Блэйскелл подзывала ее к выходу, делая таинственные знаки маленькими толстенькими пальцами.

Госпожа Блэйскелл ждала Джину в небольшом вестибюле, который она называла своей «конторой»; на ее физиономии отражались, одна за другой, противоречивые эмоции.

«Господин Веббард сообщил мне важные сведения», – сказала она, стараясь придать своему голосу всю возможную строгость.

Джина изобразила тревогу: «Про меня?»

Господин Блэйскелл решительно кивнула: «Господин Эрл пожаловался на то, что вы очень странно себя вели сегодня утром. В семь часов утра или даже раньше...»

Джина ахнула: «Невероятно! Эрл до того обнаглел, что...»

«Господин Эрл!» – чопорно поправила ее начальница.

«Что вы, госпожа Блэйскелл! Мне едва удалось от него удрать!»

Госпожа Блэйскелл озадаченно моргнула: «Господин Веббард представил все это дело не совсем таким образом. Он говорит, что вы...»

«Разве то, что он сказал, правдоподобно? Разве такое могло случиться, госпожа Би?»

«Ну... нет, конечно, – признала госпожа Блэйскелл, поставив локоть на стол, опираясь подбородком на ладонь и постукивая ногтем по зубам. – Несомненно, все это выглядит нелепо, по ближайшему рассмотрению». Она посмотрела Джине в лицо: «Но как так получилось, что...»

«Он позвал меня в спальню, а потом...» – Джина никогда не умела заставить себя плакать, но по меньшей мере закрыла лицо ладонями.

«Ну-ну, не надо так огорчаться, – принялась ее утешать госпожа Блэйскелл. – В любом случае, я не поверила Веббарду. Неужели он... неужели...» – она не могла сформулировать вопрос.

Джина трясла головой: «Хотя старался изо всех сил!»

«Я так и знала! – пробормотала госпожа Блэйскелл. – А я-то думала, что он повзрослел и перестал заниматься чепухой».

«Чепухой?» – Джина придала этому слову выражение, поставившее его в совсем другой контекст.

Госпожа Блэйскелл неловко отвела глаза: «Эрл прошел через несколько стадий развития – трудно сказать, какая из них была самой неприятной... Год тому назад – нет, пару лет тому назад, потому что тогда Хьюго был еще жив, и вся семья держалась вместе – Эрл насмотрелся земных фильмов настолько, что начал восхищаться земными женщинами, и все мы беспокоились по этому поводу. Слава богу, он сумел избавиться от этого нездорового пристрастия, но из-за него он стал еще больше стесняться и смущаться, – госпожа Блэйскелл вздохнула. – Если бы только одна из хорошеньких девушек на станции полюбила его такого, как он есть, за его блестящий ум... Нет, все они так романтически настроены, их так привлекают пышные округлые тела и нежная плоть... Короче, каждый раз, когда одна из них улыбается ему, бедняга Эрл уверен, что ее интересуют его деньги, а не он сам – и, скажу я вам, скорее всего, так оно и есть! – начальница задумчиво взглянула на Джину. – И мне пришло в голову, что Эрл, может быть, снова поддался старым... как бы это выразиться... причудам. Не то, чтобы вы не были добропорядочной, прилежной горничной – уверена, что вы делаете все возможное».

«Ну и ну!» – думала тем временем огорченная Джина. Судя по всему, сегодня утром она не добилась того, на что надеялась. Что ж, в любом предприятии приходится время от времени отступать.

«Так или иначе, господин Веббард просил меня поручить вам другие обязанности, чтобы вы не попадались на глаза господину Эрлу, потому что он, по всей видимости, испытывает к вам неприязнь... И после того, что случилось сегодня утром, надо полагать, вы не станете возражать».

«Конечно, нет», – рассеянно отозвалась Джина. Эрл! Испорченный предрассудками, избалованный, извращенный недоросль!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.